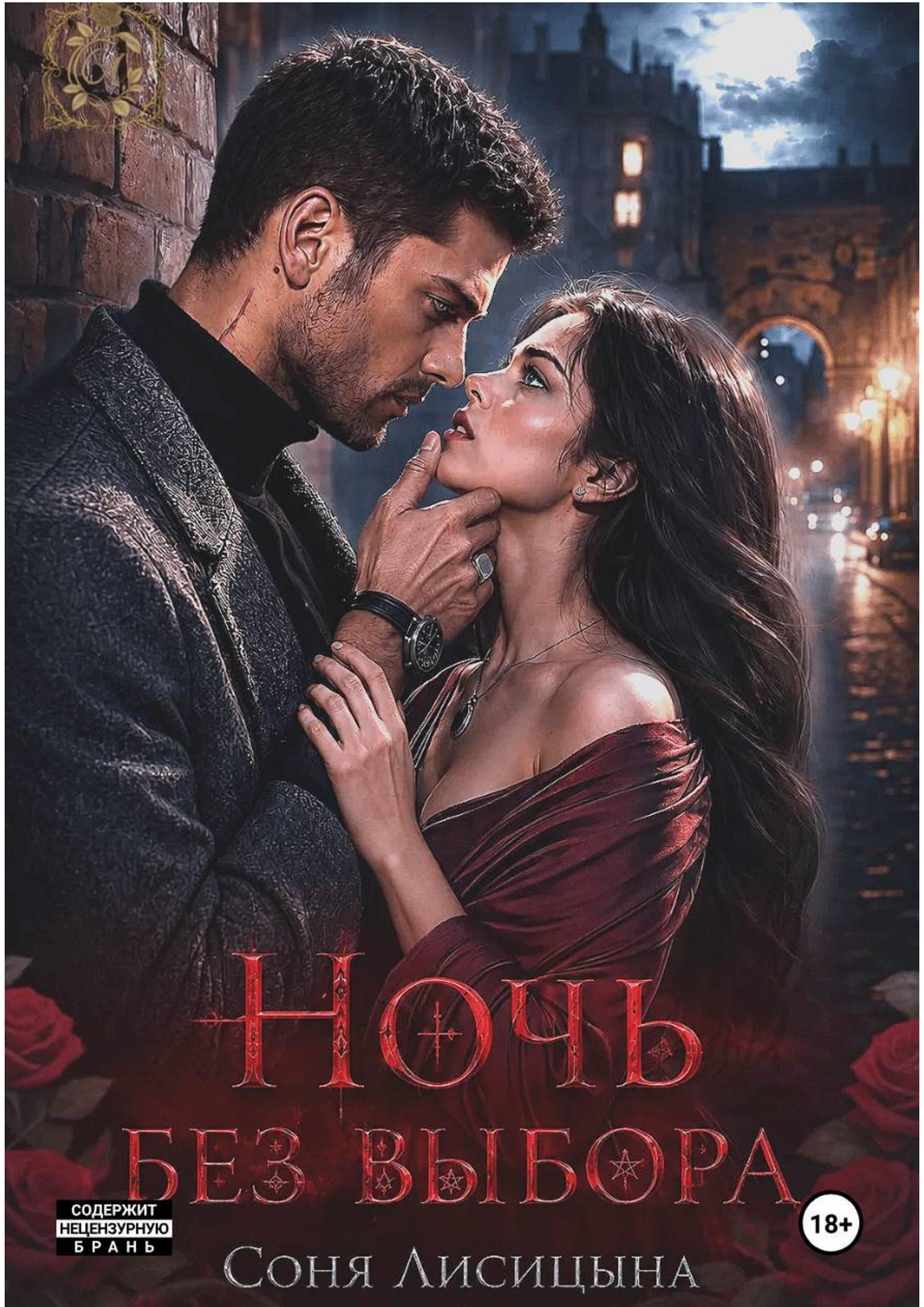

НОЧЬ БЕЗ ВЫБОРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Соня Лисицына

Соня Лисицына

Ночь без выбора

«Автор»

2026

Лисицына С.

Ночь без выбора / С. Лисицына — «Автор», 2026

Современная Италия. Под покровом мегаполиса, за фасадами старинных палаццо, скрывается мир магии. Здесь Инквизиция карает за каждое заклинание, за каждый всплеск силы. Здесь тени длиннее обычного, а шёпот заклинаний тонет в шуме улиц. Серафима — последняя из рода «Тихих Целительниц». Её магия — дар и проклятие одновременно. Люк — безжалостный инквизитор с железной волей. Его вера — закон, его долг — карать. Он привык видеть в таких, как Серафима, угрозу, которую нужно устранить без колебаний. Но одна роковая ошибка всё меняет. По случайности Люк выпивает зелье, приготовленное Серафимой. Теперь их жизни связаны древней магической связью: его выживание зависит от ночи с той, кого он должен был уничтожить, а её душа — в заложниках у этой же связи. Страсть, опаснее магии. Ненависть, переплавляющаяся в притяжение. Выбор, от которого зависит их судьба.

© Лисицына С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	42
Глава 13	47
Глава 14	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ночь без выбора

Глава 1

Вечерний Рим пробуждался, когда солнце, коснувшись купола Святого Петра, окрашивало небо в тёплые оттенки охры и пурпура. Древние камни вечного города, прогретые дневным солнцем, медленно отдавали тепло, а воздух наполняется особой, почти осязаемой атмосферой — смесью ароматов цветущих олеандров, свежесваренного эспresso и едва уловимого запаха истории, что веками оседала на мостовых.

Узкие улочки, днём переполненные туристами, теперь мягко были освещены старинными фонарями и неоновыми вывесками. Тени от античных колонн и арок становились длиннее, причудливо переплетаясь с отблесками витрин и фарами скутеров, ловко лавирующих между столиками уличных кафе.

По Виа дель Корсо неспешно прогуливались парочки, смеялись компании молодёжи, оживлённо беседуя за бокалом вина. У фонтана Треви туристы всё ещё бросали монетки, загадывая желания под шёпот падающей воды и приглушённые звуки итальянской музыки. Где-то вдалеке раздался звон колоколов — он растворяется в вечернем воздухе, смешиваясь с голосами прохожих и гудками такси.

На холме Пинчо открывается завораживающая панорама: огни города расходятся лучами от Колизея, подсвеченного золотистым светом, к отдалённым кварталам. Мост Святого Ангела, украшенный статуями, манит к себе влюблённых, а вдоль набережной Тибра мерцают огни прогулочных катеров.

Но среди этой привычной красоты, прямо под носом у ничего не подозревающих горожан, таится другой Рим — невидимый, тайный, полный магии и древних законов.

Там, где туристы делают селфи на фоне Колизея, в тени его арок скользят ведьмы в плащах с капюшонами, шепчут заклинания, оставляя на камнях едва заметные руны. В подземельях под Пантеоном инквизиторы в чёрных мантиях ведут допросы, проверяя, не скрывает ли кто то дар, запрещённый Священным Писанием. Лишь немногие знают, что за фасадом привычного города скрывается тайный мир, где за каждое использование магии приходится платить, а за нарушение законов — отвечать перед Инквизицией.

Обычные люди уж точно не догадываются, что в неприметной кофейне у площади Навона подают не просто капучино, а эликсиры, усиливающие дар, — для тех, кто знает пароль.

Лавка «Хроники забытых вещей» пряталась в узком переулке Рима, где тени были глубже, а воздух — холоднее, чем на залитых солнцем площадях. Высокие стеллажи из красного дерева, казалось, вращались в сводчатый потолок, создавая настоящий лабиринт из артефактов и пыли. В узких лучах света, пробивающихся сквозь мутные окна, медленно танцевали золотистые пылинки. Воздух здесь был густым, пропитанным ароматами старой кожи, сушеной белладонны и резким, металлическим привкусом древних ключей, висевших гроздьями на стенах.

Владелицей данной лавки являлась молодая ведьма. Она была единственной в своем роде Тихих Целительниц, которые передавали свой дар целительства, приготовления настоя, сбор трав от матери к дочери. Но даже это, с виду безвредное колдовство, вызывало гнев у Инквизиции. Они могли были прийти с проверкой в любой дом, магазин и уйти с кровью их обитателей. Так и произошло с семьей молодой ведьмы, Инквизиция уничтожила ее, и теперь, она осталась одна.

Тишина здесь была почти осязаемой. Каждый предмет в лавке имел свою историю и свою цену. В углу стояло зеркало в резной раме, которое не отражало лиц тех, кто в него смотрел,

показывая лишь их сокровенные страхи. Рядом тикали огромные напольные часы, чьи стрелки шли назад, отсчитывая время до момента, когда магия в этом мире окончательно угаснет.

Красивая, стройная, темноволосая девушка стояла за тяжелым прилавком, её пальцы, тонкие и бледные, уверенно перебирали флаконы с редкими ингредиентами. Она сосредоточенно готовила «Настой Фатального Влечения», стараясь не пролить ни единой капли драгоценной жидкости. Тяжелая хрустальная чаша перед ней медленно наполнялась золотистым сиянием, которое, казалось, пульсировало в ритме её собственного сердца. Каждый её жест был выверен годами практики, но сегодня руки слегка подрагивали от недоброго предчувствия.

– Опять варишь свои яды, Серафима? – раздался скрипучий голос от входной двери.

Это был старый Роберто, один из немногих «Скрытых», кто осмеливался заглядывать к ней среди бела дня. Его глаза, подернутые катарактой, метались по полкам, словно он искал что-то, способное спасти его от неминуемой проверки Инквизиции. Он тяжело оперся на трость из черного дерева, и его дыхание, хриплое и прерывистое, нарушило хрупкий покой лавки. Серафима не подняла взгляда, продолжая помешивать вязкую жидкость серебряной ложкой.

– Это не яд, Роберто, а средство выживания, – холодно ответила она.

Старик горько усмехнулся, обнажая пожелтевшие зубы.

– Выживание в наши дни – это роскошь, которую мы, грешные, не можем себе позволить. Слышала, что Инквизиция перекрыла мосты? Берегись, девочка, твои стены из красного дерева не укроют тебя от серебряных печатей Тессаро и его псов. Они чувствуют «Тихих Целителей» за версту, даже если те притворяются обычными лавочницами.

Серафима замерла, и капля пота скатилась по её виску.

– Я просто торгую древностями, – её голос был тверд, но внутри всё сжалось от страха. – Моя магия давно спит.

Роберто лишь покачал головой и, ничего не купив, побрел к выходу, оставив после себя запах страха и дешевого табака. Серафима выдохнула, чувствуя, как пульсирует её медальон на шее — родовой символ, связывающий её с Законом Равновесия. Этот закон был её благословением и проклятием одновременно: каждый раз, когда она касалась чужой жизни, она обязана была её сохранить. Если она позволит кому-то погибнуть от её руки или её магии, её душа начнет необратимый процесс распада.

Пустота. Это слово эхом отдавалось в её голове.

Превращение в бесплотную тень, лишенную голоса и чувств, пугало её больше, чем костры Инквизиции. Серафима вернулась к работе, добавляя в настой щепотку серебряного песка, который заставил жидкость вспыхнуть ярким, почти ослепительным пламенем. «Настой Фатального Влечения» — эликсир сам по себе не был вреден в не больших дозах, лишь вызывал мимолетную симпатию на пару часов. Несколько капель — и вот уже нужный человек желал другого с неистовой силой. Через время страсть уходила, и человек забывал о том, что он употреблял. Этот эликсир был популярен среди *Donna di facili costumi* («женщина лёгких нравов»), что охотно покупали его у Серафимы. За это мимолетное использование магии, девушка избегала своего проклятия, и не платила своей жизнью.

Губы девушки едва заметно дрогнули, когда она вспомнила свою бабушку. Та учила её, что магия — это не только сила, но и ответственность, которую невозможно сбросить. Бабушка сгорела на площади под крики толпы, и Серафима навсегда запомнила запах паленой плоти и торжествующий блеск в глазах инквизиторов. С тех пор она ненавидела их всем сердцем, каждой клеточкой своего существа, но именно эта ненависть была её самой уязвимой точкой.

Она взяла флакон из хрусталя и осторожно перелила туда настой.

Жидкость переливалась расплавленным золотом, густая и манящая, как запретный плод. Серафима знала, что аромат горьких трав и сладковатой белладонны может обмануть любого,

кто решит попробовать этот напиток. В современной Италии, где технологии соседствовали с архаичными ритуалами, такая магия считалась преступлением против порядка и веры.

Она спрятала флакон за банку с вороньими перьями, прямо под прилавком, чтобы он всегда был под рукой. Её сердце продолжало биться в учащенном ритме, словно предупреждая о приближающейся буре, которую невозможно избежать. Серафима подошла к окну и приоткрыла тяжелую штору, вглядываясь в сумерки, которые медленно опускались на город. Тени становились длиннее, и в них ей мерещились силуэты людей в длинных плащах с серебряными знаками отличия.

Город казался затаившим дыхание зверем, готовым к прыжку. Внезапно колокольчик над дверью резко звякнул, заставив Серафиму вздрогнуть и мгновенно обернуться к входу. На пороге стоял мужчина, чья фигура почти полностью перекрывала дверной проем, отбрасывая длинную, пугающую тень на пол. Он не был похож на обычного покупателя или даже на «Скрытого», ищущего убежища. От него веяло холодом, уверенностью и той особой властью, которая была присуща только тем, кто привык судить и карать без капли сомнения.

– Лавка уже закрыта, синьор, – сказала она, стараясь придать голосу твердость.

Мужчина не шелохнулся, его взгляд, острый как лезвие кинжала, сканировал помещение, задерживаясь на каждом подозрительном предмете. Он медленно вышел из тени улицы на свет, высокий, темноволосый с подтянутым и тренированным телом, лицом с резкими чертами и глазами, в которых читалась стальная воля. На его пальце тускло блеснуло серебряное кольцо с печатью — символ Инквизиции, который заставил кровь в жилах Серафимы заledenеть. Это был Люк Тессаро, человек, о чьей жестокости ходили легенды в кругах магов.

– Для Инквизиции двери всегда должны быть открыты, – его голос был низким и бархатистым, словно убаюкивающим, но отчего-то Серафима задрожала от предчувствия приближающейся беды.

Глава 2

Люк сделал шаг внутрь, и Серафима почувствовала, как воздух вокруг него сгустился, становясь почти невыносимым для дыхания. Он медленно обходил прилавок, его сапоги гулко стучали по деревянному полу, отзываясь эхом в её груди. Его присутствие заполняло всё пространство, вытесняя привычные запахи трав ароматом дорогого табака и свежего дождя. Серафима крепче сжала край прилавка, чувствуя, как ногти впиваются в дерево, пытаясь сохранить самообладание.

– Я не нарушаю законов, – произнесла она, глядя ему прямо в глаза.

Люк усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли тепла, только холодное любопытство охотника, обнаружившего интересную добычу. Он остановился перед полкой, где стояли старые часы, и коснулся их пальцем, словно проверяя на подлинность. Серафима видела, как напряглись мышцы на его шее, и как расширились его зрачки, когда он почувствовал остаточную магию, витающую в воздухе. Он был слишком близко, и от этой близости у неё перехватило дыхание.

– Законы меняются, Серафима Фарина, как и те, кто их пишет. – сказал Люк.

Он повернулся к ней, и расстояние между ними сократилось до нескольких дюймов, так что она могла видеть каждую искринку в его серых глазах. Серафима чувствовала жар, исходящий от его тела, который странным образом контрастировал с его холодным взглядом. Её тело предательски отозвалось на его близость, сердце пустилось в неистовый галоп, а дыхание стало прерывистым. Этот животный страх, который она не могла контролировать, пугал её до глубины души.

– Что вам нужно от моей лавки? – спросила она, понизив голос.

Люк промолчал, продолжая изучать её лицо с какой-то странной, почти болезненной сосредоточенностью. Он словно пытался разглядеть в ней то, что она так тщательно скрывала под маской безразличия, смотрел на неё так, будто видел её душу. Серафима замерла за прилавком, ее пальцы судорожно вцепились в старое дерево, чувствуя каждую зазубрину. Она слышала ритмичный стук его тяжелых сапог — звук, который в тишине лавки казался ударами молота по крышке гроба. Его присутствие вытесняло привычный покой, привнося с собой запах холодного дождя и железа.

Он был хищником в клетке из древних реликвий.

Инквизитор остановился перед полкой с треснувшими фарфоровыми куклами, чьи пустые глазницы отражали его холодное безразличие. Серебряное кольцо на его пальце тускло блеснуло, бросая резкие блики на запыленное стекло витрины, за которым прятались тени прошлого.

– Скажи мне, Серафима, – его голос был низким, вкрадчивым, похожим на шорох сухих листьев. – Неужели люди действительно платят за этот мусор? Или надежда — единственная валюта, которую ты принимаешь от этих отчаявшихся душ?

Он медленно повернул голову, и его взгляд, острый и холодный, впился в ее лицо, словно пытаясь содрать кожу и обнажить все ее тайны. Люк прошёлся вдоль стеллажей, небрежно отодвигая в сторону артефакты, которые хранились здесь десятилетиями. Для него это были лишь улики, доказательства ереси, подлежащие уничтожению. Его пренебрежение было осязаемым, оно висело в воздухе вместе с пылью, вызывая у Серафимы жгучее желание защитить свой маленький мир от его разрушительной праведности. Каждое его слово было пропитано ядом высокомерия человека, привыкшего обладать истиной в последней инстанции.

– Вера в чудеса бесценна, синьор Тессаро. – ответила она.

Ее голос дрогнул, но она заставила себя выпрямиться, встречая его взгляд с вызовом, который мог стоить ей жизни. Люк усмехнулся, и эта усмешка была лишена малейшего тепла,

она лишь подчеркивала суровую линию его губ. Он сделал еще шаг, сокращая расстояние между ними до опасного предела, так что она могла видеть искры стали в его зрачках.

– Вера — это удел слабых, — отрезал он, и его рука легла на край прилавка в опасной близости от ее пальцев. — Мы же здесь, чтобы защитить мир от тех, кто торгует иллюзиями.

Серафима почувствовала, как по ее позвоночнику пробежал холодок, но страх внезапно сменился яростью, которая опалила ее изнутри. Она видела в нем не защитника, а палача, человека, чья вера была построена на костях ее близких и на страхе, который он сеял вокруг себя. Ее пальцы на прилавке побелели от напряжения, а в груди заклокотал протест, который она больше не могла сдерживать. Охотник пришел в ее логово, считая себя хозяином положения, но он не знал, что загнанный в угол зверь бывает самым опасным.

– Ваша Инквизиция — это и есть главная иллюзия. — прошептала она.

Люк замер, и его глаза опасно сузились, в них мелькнуло нечто, похожее на предвкушение удачной охоты.

– Ты играешь с огнем, ведьма, — проговорил он, наклоняясь к ней так близко, что она почувствовала жар его тела сквозь плотную ткань его одежды. — Огонь не выбирает жертв, он просто поглощает всё, что оказывается на его пути. Твоя лавка — лишь гора щепок, готовая вспыхнуть от одной искры моей воли.

Серафима хотела оттолкнуть его, закричать, убежать, но её ноги словно приросли к полу, подчиняясь невидимой силе его авторитета.

– Ты боишься меня, ведьма? — прошептал Люк, наклоняясь к её уху.

Его дыхание обожгло её кожу, заставив вздрогнуть всем телом от внезапного электрического разряда, пронзившего её насквозь. Серафима закрыла глаза на мгновение, пытаясь собрать волю в кулак и не поддаться этому страху. Собравшись с духом, девушка заставила себя внутренне успокоиться.

– Я не боюсь вас, синьор Тессаро, ведь я не в чем не виновата. Я соблюдаю и чту наши традиции, а то, что здесь находится всего лишь обычные безобидные травы, — ответила она, открыв глаза. Она знала, что если Инквизиция узнает о том, что она продавала настои обычным людям, то ее участь будет такой же как у ее бабушки, но Серафима решила идти до конца, не отрываясь смотрела в глаза инквизитора, стараясь выдержать мрачный взгляд мужчины.

Его пальцы внезапно скользнули по полке за ее спиной, минуя связки сушеной лаванды и баночки с кореньями, а потом под стойку, и замерли на флаконе с золотистым настоем. Серафима почувствовала, как ее сердце пропустило удар, а затем забилося с удвоенной силой, отдаваясь глухим гулом в ушах. Золотистая жидкость внутри хрусталя запульсировала, словно почувствовав приближение. Люк медленно извлёк флакон на свет, разглядывая его содержимое с профессиональным любопытством человека, который привык находить яд в каждой капле.

– А это что за безделушка? — спросил он, прищурившись.

Магия внутри сосуда засияла ярче, отражаясь в его темных глазах и превращая их в два золотистых омута.

– Всего лишь настой от головной боли и мигрени, — голос Серафимы стал хриплым и ломким, словно она боялась произнести слова, — Поставьте его на место, синьор Тессаро. Настой не опасен, но в нем очень много ценных трав..

Серафима пытались отвлечь его, понизив ценность данного эликсира.

Люк издал короткий, резкий смешок, который прозвучал как выстрел в тишине лавки, и его пальцы крепче сжали холодное стекло флакона. Он привык считать магию чем-то грязным, подчинённым человеческой воле, которую можно сломить молитвой или сталью. Для него этот настой был лишь очередным тестом, вызовом, который он обязан был принять, чтобы доказать себе и всему ордену свою непоколебимость. В его глазах читалась фанатичная уверенность

«Чистого», который верит, что его дух защищен серебряным кольцом и обетами, данными перед алтарем.

– Ты действительно думаешь, что эта жижа способна помочь? – спросил он с издевкой.

– Да, верю..но как и у любого эликсира у него может быть побочный эффект, если не следовать указаниям приема, поэтому, я прошу вас, поставьте его на место, - девушке казалось, что она упадет сейчас в обморок, наблюдая за тем, как Тессаро держит «Фатальное Влечение» в своей руке.

– Смотри, ведьма, как бессильно твое колдовство перед волей того, кто служит истине, – произнес он.

Одним резким движением Люк выдернул пробку, и аромат горьких трав, смешанный со сладким, удушливым запахом белладонны, мгновенно заполнил пространство между ними. Серафима хотела крикнуть, броситься на него, выбить флакон из его рук, но она словно приросла к полу, парализованная неизбежностью момента. Люк поднес хрусталь к губам и выпил настой до дна, не сводя с нее торжествующего, вызывающего взгляда, в котором читалось полное пренебрежение к ее предупреждениям. Жидкость скользнула в его горло, теплая и густая, как расплавленное золото.

Он поставил пустой флакон на прилавок с глухим стуком.

Секунду ничего не происходило, и Люк уже открыл рот, чтобы произнести очередную язвительную фразу, но внезапно его лицо исказилось. Он замер, его тело натянулось как струна, а рука, все еще сжимавшая флакон, начала мелко дрожать, заставляя стекло вибрировать о дерево. По его венам, начиная от шеи и расходясь по всему телу, разлился неестественный, обжигающий жар, который невозможно было сравнить ни с чем земным. Это было так, словно в его кровь впрыснули жидкий огонь, который начал выжигать его изнутри, заменяя человеческую сущность чем-то иным.

Его зрачки мгновенно расширились, почти полностью скрыв радужку, превратив глаза в две бездонные черные дыры.

Люк схватился за горло, его дыхание стало тяжелым и хриплым, словно воздух в лавке внезапно превратился в густой свинец. Его сердце, обычно спокойное и ритмичное, пропустило удар, а затем пустилось в такой неистовый галоп, что он почувствовал каждый удар в висках и кончиках пальцев. Жар становился невыносимым, он пропитывал каждую клетку его существа, заставляя его кожу покрыться испариной, а разум — погрузиться в хаос ощущений. В этот момент в его взгляде, лишенном привычной уверенности, промелькнул настоящий, животный страх.

– Что... что ты... – выдавил он, запинаясь, его голос сорвался на свистящий шепот.

Серафима видела, как он борется с собой, как его инстинкты самосохранения вступают в схватку с древним проклятием, которое он сам впустил в себя. Она чувствовала, как невидимая нить между ними натянулась, вибрируя от боли и жажды, которые теперь стали общими для них обоих. Магия настоя начала свою работу, вплетая его судьбу в ее собственную, связывая их узами, которые невозможно разорвать ни молитвой, ни смертью. Люк Тессаро, гроза ведьм и верный пес Инквизиции, теперь был прикован к ней невидимой цепью своего собственного желания.

Он попытался сделать шаг назад, но его ноги стали ватными, и он едва не рухнул, в последний момент ухватившись за прилавок. Люк смотрел на Серафиму, и в этом взгляде теперь мешались ненависть и нечто новое, пугающее — непреодолимая потребность быть рядом с ней. Его тело предавало его, требуя ее близости так же отчаянно, как легкие требуют воздуха во время утопления. Он чувствовал ее запах — лаванда, старая бумага и что-то еще, магическое и манящее, что сводило его с ума.

– Я предупреждала тебя, Люк, – ее голос был едва слышен, но он прозвучал в его голове как гром. Она уже не боялась к нему так обращаться. Он поступил очень глупо, выпив этот эликсир, и теперь они связаны между собой. Мертвой хваткой.

Серафима видела, как он пытается восстановить контроль, как он расправляет плечи и поправляет пальто, словно ничего не произошло. Но она также видела лихорадочный блеск в его глазах и то, как тяжело вздымается его грудь, выдавая его внутреннюю бурю. Магия Фатального Влечения уже начала менять ритм его жизни, подчиняя его сердце ее собственному пульсу. Теперь он был не просто инквизитором, а заложником ее магии, существом, чья жизнь висела на волоске, который удерживала она.

Люк развернулся, его движения были резкими, почти судорожными, когда он направился к выходу из лавки.

– Это... ничего не значит, – бросил он через плечо, не оглядываясь, но Серафима слышала, как дрогнул его голос на последнем слове. – Мы еще закончим этот разговор, ведьма. Инквизиция не прощает таких фокусов, какими бы искусными они ни были. Я вернусь, и тогда никакие настои не спасут тебя от правосудия, которое я принесу в этот дом.

Он распахнул дверь, и холодный ночной воздух ворвался в помещение, но он не принес Люку облегчения, лишь сильнее раздув пламя, бушующее в его груди. Серафима стояла неподвижно, глядя ему в след, пока его темный силуэт не растворился в сумерках переулка. Она чувствовала, как в ее собственном теле что-то изменилось: тишина лавки больше не была уютной, она стала тяжелой и предвещающей беду. Закон Равновесия вступил в силу, и теперь ей предстояло спасти жизнь того, кого она ненавидела больше всех на свете.

Дверь со скрипом закрылась, оставив ее в одиночестве среди забытых вещей.

Серафима опустила взгляд на пустой флакон, на дне которого еще мерцала последняя золотистая капля, медленно стекающая по хрусталу.

Тишина лавки стала оглушительной, прерываемой лишь мерным тиканьем часов, идущих вспять.

Глава 3

Тяжелая дубовая дверь лавки захлопнулась, отсекая Люка от аромата горьких трав и пыльного тепла, но огонь, который он унес в своей крови, только разгорался. Холодный ночной воздух Рима, обычно бодрящий и трезвый, сейчас казался густым, как патока. Инквизитор шел по узким переулкам, и каждый шаг по неровной брусчатке отдавался в его висках ударом кузнечного молота. Его тело, всегда послушное и дисциплинированное, начало бунтовать, мышцы бедер и спины налились неестественной силой, а кожа под плотной тканью пальто горела так, словно он стоял в центре погребального костра.

Это не просто яд. Это нечто живое.

Он чувствовал, как золотистая жидкость, которую он так самонадеянно выпил, разветвляется в нем, проникая в самые потаенные уголки его существа. Люк сжал кулаки, чувствуя, как серебряное кольцо с печатью Инквизиции впивается в кожу, напоминая о долге и чести. Но мысли предательски соскальзывали к образу Серафимы. Он видел перед собой ее бледное лицо, испуганные, но полные вызова глаза и тонкие пальцы, вцепившиеся в край прилавка.

– Очнись, Тессаро, – прохрипел он сам себе, и его голос прозвучал чуждо в тишине пустой улицы.

Его дыхание вырывалось из груди рваными клочьями пара, но внутри него царило вечное лето — удушливое, наполненное запахом лаванды и белладонны. Он знал этот путь к штабу Инквизиции наизусть, но сегодня знакомые повороты казались бесконечным лабиринтом. Каждый фонарь, отбрасывающий тусклый свет на серые стены, напоминал ему о блеске золотистого настоя в хрустальном флаконе. Люк чувствовал, как ритм его сердца меняется, подстраиваясь под какой-то иной, далекий пульс, который он ощущал где-то на периферии сознания.

Внезапный порыв ветра бросил ему в лицо пригоршню холодных капель дождя.

Он остановился, тяжело опираясь рукой о влажную каменную кладку. Камень под его ладонью казался невыносимо холодным, и этот контраст причинял физическую боль. Люк закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на молитве очищения, которой его учили с детства, но слова рассыпались, едва он касался их разумом. Вместо священных текстов в его голове звучал шепот Серафимы: «Я предупреждала тебя, Люк».

– Проклятая ведьма, – выплюнул он, чувствуя, как на губах остается привкус горького меда.

Штаб Инквизиции встретил его привычной суровостью серых сводов и запахом воска. Высокие стрельчатые окна пропускали лишь бледные отсветы луны, превращая коридоры в обитель теней. Люк шел по бесконечному залу, и звук его шагов казался ему слишком громким, почти святотатственным в этой обители тишины и порядка. Он чувствовал на себе взгляды статуй святых, чьи застывшие лица выражали немое осуждение. Жар в груди усиливался с каждой секундой, и Люк едва сдерживал стон, который рвался наружу вместе с каждым выдохом.

У входа в жилой блок его окликнул дежурный стражник.

– Брат Тессаро? Вы поздно сегодня. Проверка затянулась? – молодой парень в серой рясе подошел ближе, его лицо выражало легкое беспокойство.

Люк замер, стараясь не выдать своей лихорадки. Он чувствовал, как пот градом катится по его спине, а глаза горят от внутреннего напряжения.

– Возникли... непредвиденные обстоятельства, – ответил он, стараясь придать голосу привычную стальную твердость. – Передай магистру, что отчет будет готов к утру. Сейчас мне нужно... помолиться в одиночестве.

Стражник нахмурился, вглядываясь в лицо Люка, которое в неверном свете факелов казалось маской из белого мрамора.

– Вы выглядите нездоровым, брат. Лихорадка? Может, вызвать лекаря из Ордена? – голос юноши дрогнул от искреннего сочувствия, которое сейчас было Люку нужнее всего и которое он ненавидел больше всего на свете.

– Я сказал, что мне нужно одиночество, – отрезал Люк, и в его взгляде на мгновение вспыхнуло нечто такое, что заставило стражника отпрянуть. – Иди на свой пост, брат.

Он прошел мимо, не оглядываясь, чувствуя, как внутри него все сжимается от отвращения к собственной слабости. Люк вошел в аскетичный зал, где на стенах висели древние щиты и мечи — трофеи Инквизиции, добытые в вековой борьбе с хаосом. Он остановился перед огромным полированным щитом, который когда-то принадлежал великому инквизитору. Металл был холодным и гладким, отражая тусклый свет ламп, как черное зеркало. Люк поднял голову и посмотрел на свое отражение, ожидая увидеть привычное лицо воина.

Но то, что он увидел, заставило его сердце на мгновение остановиться.

Его лицо было бледным, почти прозрачным, но не это испугало его. В глубине его зрачков, там, где должна была быть привычная темнота, пульсировало чужое, магическое пламя. Это был золотистый свет, в точности повторяющий оттенок настоя Серафимы. Искры этого огня плясали в его глазах, превращая их в два светящихся омута, в которых тонула его вера и его воля. Это было клеймо. Метка ведьмы, которую он не мог скрыть ни за какой молитвой.

– Нет... – выдохнул он, касаясь пальцами холодного металла щита.

Отражение смотрело на него с вызовом, словно издеваясь над его беспомощностью. Люк понимал, что если кто-то из братьев увидит его сейчас, его ждет «очистка» — медленная и болезненная смерть на костре. Он был инквизитором, охотником, но магия превратила его в добычу. Жар в груди стал пульсирующим, он требовал действия, требовал возвращения к той, кто наложил на него эти цепи. Образ Серафимы стал настолько отчетливым, что он, казалось, мог почувствовать запах ее волос.

В это же самое время в лавке «Хроники забытых вещей» тишина стала почти осязаемой.

Серафима стояла у прилавка, не в силах пошевелиться, глядя на то место, где только что стоял Люк. Перед глазами до сих пор стоял образ инквизитора и как он выпивает настойку. Эта роковая оплошность, эта нелепая случайность теперь может стоять им обоим жизни.

Воздух в помещении казался разреженным, лишенным кислорода. Она чувствовала, как невидимые нити, связывающие ее с инквизитором, натягиваются, вибрируя от его ярости и страха. Это было физическое ощущение — словно тонкие серебряные проволоки прошили ее тело, соединяя ее сердце с сердцем врага. Каждый удар его бешено колотящегося сердца отзывался в ее груди тупой болью.

Она попыталась сделать глубокий вдох, но ее горло внезапно сжалось.

Это было похоже на то, как если бы чьи-то невидимые пальцы медленно, но верно смыкались на ее шее. Серафима потянулась к стакану с водой, стоявшему на полке, но ее рука дрожала так сильно, что она лишь задела его, и стекло с жалобным звоном разбилось об пол. Осколки разлетелись в разные стороны, сверкая в полумраке лавки, как крошечные звезды. Она смотрела на них, и в ее сознании всплыли слова матери о Законе Равновесия: «Если ты коснешься жизни и не сохранишь ее, ты перестанешь принадлежать себе».

– Мама... – попыталась позвать она, но вместо голоса из ее груди вырвался лишь хриплый, надломленный звук.

Ужас, холодный и липкий, охватил ее. Она прижала ладонь к горлу, чувствуя, как кожа под пальцами становится горячей. Она попыталась произнести свое имя, любое слово, но тишина в ответ была абсолютной. Закон начал свое действие, её голос был первой жертвой, первой ступенью к превращению в «пустоту» — бесплотную тень, лишенную чувств и истории.

Она опустила на колени прямо на острые осколки стекла, не чувствуя боли в ногах.

Ее внимание было приковано к пустому хрустальному флакону, который Люк оставил на прилавке. На дне все еще мерцала последняя золотистая капля, словно издеваясь над ней.

Серафима понимала, что ее судьба теперь неразрывно сплетена с судьбой инквизитора. Если его сердце остановится от настоя, ее собственная душа окончательно рассыплется в прах. Она была последней из своего рода, хранительницей древних тайн, и теперь она была прикована к человеку, который считал ее существование ошибкой мироздания.

Его жизнь теперь зависела от того, выживет ли ее палач.

Серафима закрыла глаза, и перед ее внутренним взором возник Люк, стоящий перед пиотом в холодном зале штаба. Она чувствовала его смятение, его борьбу с самим собой и ту неестественную тягу к ней, которую породил настой. Это была не любовь, это была магическая жажда, хищная и разрушительная. И она, Серафима, была единственным источником, способным утолить эту жажду. Мысль о том, что ей придется отдать себя ему, чтобы выжить, вызвала в ней волну протеста, смешанного со странным, пугающим трепетом.

Она открыла глаза и посмотрела на свои руки.

Кожа на кончиках пальцев начала бледнеть, приобретая сероватый, призрачный оттенок. Время работало против нее. Каждая секунда, которую Люк проводил вдали от нее, высасывала из нее жизнь, превращая ее в сосуд для пустоты. Она должна была найти способ спасти его, даже если это означало окончательное предательство памяти своей семьи. Ненависть к Инквизиции, копившаяся годами, столкнулась с инстинктом выживания, создавая внутри нее болезненный вакуум.

В штабе Люк сорвал с себя плащ, не в силах больше выносить его тяжесть.

Он тяжело дышал, глядя на свои руки, которые в полумраке казались чужими. Жар не утихал, он стал частью его самого, его новой кожей. Люк понимал, что завтра утром ему придется выйти к братьям, смотреть им в глаза и лгать. Лгать тем, с кем он делил хлеб и кровь, ради защиты ведьмы, которую он должен был арестовать. Это осознание ложилось на его плечи тяжелым клеймом неизбежности, которое нельзя было смыть ни святой водой, ни кровью врагов.

– Что ты сделала со мной? – прошептал он в пустоту зала.

Ответа не было, только тихий шелест ветра в коридорах штаба. Но где-то глубоко внутри он знал ответ. Она сделала его живым в том смысле, который был недоступен «Чистым», связала его с самой сутью бытия, где боль и наслаждение, жизнь и смерть сплетены в один неразрывный узел. И этот узел затягивался все туже, заставляя его сердце биться в унисон с сердцем той, которую он ненавидел всем своим существом.

В лавке Серафима медленно поднялась с колен, игнорируя кровь, сочившуюся из порезов.

Она подошла к окну и посмотрела на темные улицы Рима. Город спал, не подозревая о том, что в его недрах только что родилась связь, способная разрушить основы старого мира. Она видела огни штаба Инквизиции на горизонте — холодные, безжалостные точки света. Там был он. Тот, кто теперь был ее жизнью и ее проклятием. Серафима знала, что он вернется. Не потому, что захочет, а потому, что магия настоя не оставит ему выбора.

Она прижала ладонь к стеклу, чувствуя его ледяную поверхность. Голоса больше не было, но ее мысли были громче любого крика — она обязана была сохранить жизнь Люка Тессаро. Даже если ценой этого спасения будет ее собственная душа, уже начавшая свое долгое падение в бездну пустоты. Магическая нить между ними натянута до предела, предвещая новую встречу, которая изменит все.

Глава 4

По неровной брусчатке переулк Люк едва передвигал ноги, которые налились свинцом и больше не желали слушаться воли хозяина. Каждый его выдох сопровождался хрипом, а в груди, прямо за ребрами, застрял раскаленный кусок угля, который с каждым ударом сердца разрастался в размерах. На лбу выступил пот, и капли, стекая по вискам, жалили кожу, словно кислота. Он прислонился плечом к шершавой стене дома, чувствуя, как под пальцами крошится старый известняк. Ночной Рим, обычно такой понятный и структурированный, превратился в месиво из теней и огней фонарей. Перед глазами плыли цветные пятна, а в ушах набатом бился пульс, выбивая ритм, который не имел ничего общего с нормальной человеческой физиологией. В какой-то момент он понял, что если сейчас же не окажется рядом с Серафимой, его аорта просто лопнет, не выдержав этого неестественного давления.

Дубовая дверь лавки «Хроники забытых вещей» возникла перед ним как единственное спасение в этом аду. Люк не постучал — он навалился на нее всем телом, чувствуя, как петли протестуют коротким, резким скрипом. Колокольчик над входом звякнул, и этот звук пронзил его мозг, словно стальное шило. Внутри царил полумрак, разбавленный лишь тусклым светом единственной масляной лампы, которая стояла на прилавке. Запах сушеной полыни, старого пергамента и чего-то еще, магического и терпкого, сразу ударил в ноздри. Инквизитор сделал шаг, другой, едва не споткнувшись об порог. Серафима стояла в глубине зала, замершая среди стеллажей с пожелтевшими книгами и осколками античной керамики.

– Ты... – выдохнул он, и его голос сорвался на хрип.

Люк чувствовал, как лихорадка сжирает его остатки самообладания. Расстегнув верхнюю пуговицу мундира, он пытался вдохнуть, но воздух казался слишком густым, почти осязаемым. Его пальцы, привыкшие сжимать оружие, теперь мелко дрожали. Он видел, как девушка медленно повернулась к нему, и в ее взгляде, обычно полном вызова, теперь читалась лишь мертвенная усталость.

– Я пришел... для повторного досмотра... – прорычал он, пытаясь придать лицу суровое выражение, но ноги подкосились, и он был вынужден ухватиться за край массивного стола.

Стоило ему приблизиться к ней на расстояние трех шагов, как хаос в груди начал затихать. Это было похоже на то, как если бы бушующий шторм внезапно сменился полным штилем. Сердце, только что готовое выпрыгнуть из грудной клетки, замедлило свой бешеный бег, подстраиваясь под ее спокойное дыхание. Жар, выжигавший внутренности, начал отступать, сменяясь приятным теплом, которое разливалось по конечностям. Люк замер, пораженный этим мгновенным облегчением. Он ненавидел эту зависимость, ненавидел каждую клетку своего тела за то, что она требовала присутствия этой ведьмы.

– Что ты со мной сделала? – его голос окреп, наполняясь яростью, которая была единственным способом скрыть постыдную слабость.

Он сделал еще рывок вперед, сокращая дистанцию до минимума. Теперь он мог видеть каждую чешуйку пыли на ее темных волосах и бледность ее кожи, которая казалась почти прозрачной в свете лампы. Серафима не двигалась, ее руки безвольно висели вдоль тела. Люк протянул руку и рывком схватил ее за плечи, чувствуя под пальцами тонкую ткань платья и хрупкость костей.

– Отвечай! Где противоядие? Где то, что остановит этот огонь? – он встряхнул ее, желая выбить из нее хоть какое-то объяснение.

Его пальцы впились в ее плоть, и на мгновение ему показалось, что через этот контакт он чувствует всё: ее страх, ее горечь и ту пустоту, которая начала заполнять ее изнутри. Серафима открыла рот, ее губы задрожали, пытаясь сформировать слова, но вместо гневной отповеди или заклинания из ее горла вырвался лишь призрачный, надломленный хрип. Этот звук не

был похож на человеческую речь. Это было подобие шелеста сухой травы на ветру или треска ломающегося льда.

Инквизитор замер, его ярость мгновенно сменилась ледяным оцепенением. Он смотрел в ее голубые глаза, которые теперь казались огромными на исхудавшем лице.

– Почему ты молчишь? – его голос стал тише, в нем проскользнула нотка настоящего ужаса. – Говори же!

Серафима снова попыталась что-то произнести, ее горло напряглось, жилка на шее запульсировала, но тишина осталась непоколебимой. Она лишь качнула головой, и в этом жесте было столько безнадежности, что Люк непроизвольно ослабил хватку. Его взгляд упал на ее руки- кончики пальцев девушки приобрели странный, сероватый оттенок, словно жизнь постепенно уходила из них, превращая плоть в холодный пепел.

– Твой голос... – прошептал он, и осознание правды ударило его сильнее, чем любая физическая боль.

Он вспомнил древние трактаты, которые изучал в архивах Ватикана, те разделы, где описывались проклятия старых родов. Закон Равновесия... Он знал, что целительницы платят непомерную цену за каждое касание магии, но он никогда не думал, что увидит процесс распада души своими глазами. Магия настоя не просто связала их жизни — она начала выпивать ее сущность, чтобы поддерживать его, инквизитора, в живых. Каждая секунда его облегчения покупалась ее голосом, ее чувствами, ее человечностью.

– Значит, это правда, – Люк отступил на шаг, его рука коснулась серебряного кольца на пальце. – Ты превращаешься в тень. Из-за меня..

Ему стало тошно от самого себя. Он, защитник порядка, человек, посвятивший жизнь борьбе с хаосом, теперь стал паразитом, пожирающим женщину, которую поклялся уничтожить. В тесноте лавки, среди запаха воска и пыли, они оба осознали страшную правду. Их ненависть никуда не делась, она все еще тлела между ними, как раскаленные угли под слоем пепла, но теперь они были заложниками единого ритма сердца. Если она исчезнет, превратившись в пустоту, он умрет...если он умрет, она потеряет последний шанс остаться человеком.

Люк посмотрел на прилавок, где лежали обрывки бумаг и ручка.

– Напиши, – приказал он, и его голос дрогнул от смеси гнева и жалости, которую он не хотел признавать. – Напиши, как это остановить. Должен быть способ разорвать эту связь, не убивая тебя.

Серафима медленно подошла к столу. Ее движения были заторможенными, словно она двигалась сквозь толщу воды, она взяла ручку, ее пальцы с трудом удерживали тонкий стержень. Люк стоял рядом, чувствуя, как его собственное тело предательски расслабляется от ее близости. Аритмия исчезла, дыхание стало ровным, но в душе росла буря, посильнее любой магической лихорадки. Он видел, как она начала писать, буквы выходили неровными, рваными, словно само пространство сопротивлялось этой попытке общения.

В лавке стало совсем тихо, только тихий скрип ручки по бумаге нарушал молчание. Люк смотрел на ее профиль, на длинные ресницы, отбрасывающие тени на бледные щеки, и понимал, что эта ночь изменила всё. Его вера, его принципы, его долг перед Инквизицией — всё это начало рассыпаться, как старый пергамент под воздействием влаги. Он больше не был охотником, а был соучастником преступления против самой природы, и пути назад не было.

– Настой Фатального Влечения? Ты знала, что так будет? – спросил он внезапно.

Серафима замерла, ручка застыла над бумагой, оставив жирную кляксу. Она медленно подняла голову и посмотрела на него, а потом медленно кивнула головой.

– И ты меня не остановила? – его злой рык раздался буквально над головой девушки, отчего та вздрогнула, оставив кривой росчерк чернилами.

Снаружи слышался шум дождя, капли забарабанили по стеклу, скрывая их уединение от остального мира. Люк сжал кулаки, чувствуя, как серебряное кольцо холодит кожу. Завтра

ему придется вернуться в штаб, смотреть в глаза магистру и лгать о том, что проверка прошла успешно, что ведьма чиста, что в лавке нет ничего, кроме хлама. Каждое слово этой лжи будет выжигать в его совести клеймо предателя, но он знал, что не сможет поступить иначе. Не теперь, когда ее тишина кричала громче любого обвинения.

Он чувствовал, как внутри него закипает глухая ярость, смешанная с тем самым неестественным влечением, которое диктовала магия. Ему хотелось схватить ее, встряхнуть из нее способ все исправить, но одновременно он боялся даже случайно коснуться ее кожи. Любое соприкосновение вызывало в нем разряд, похожий на удар тока.

Внезапно тишину улицы разорвал грохот. Тяжелая дубовая дверь, которую Люк не успел запереть на засов, распахнулась от мощного пинка. В лавку, обладавая помещением запахом дешевого табака и прокисшего вина, ввалились двое мужчин. На них были грязные плащи из грубой мешковины, а лица скрывали глубокие капюшоны.

– Глянь-ка, Марко, хозяйка совсем завяла, – прохрипел тот, что был выше, оглядывая стеллажи с жадным блеском в глазах. – Говорили же, что девчонка Фарина теряет силу.

Второй, коренастый и с кривым шрамом на губе, вытащил из-за пояса длинный зазубренный кинжал.

– Где «Слеза Сирены», ведьма? – прорычал он, делая шаг к прилавку. – Отдавай по хорошему, или мы встрясем ее вместе с твоими последними вздохами.

Серафима отпрянула, ее спина ударилась о полки, из-за чего хрустальные сосуды жалобно зазвенели. Она попыталась закричать, позвать на помощь, но из ее горла вырвался лишь жалкий, едва слышный свист. Ее лицо исказилось от ужаса и бессилия.

– Она не может вам ответить, – голос Люка прорезал пространство, холодный и твердый, как сталь его клинка.

Маги-отступники только сейчас заметили фигуру в тени. Люк медленно вышел на свет, расстегивая пуговицу на воротнике мундира, серебряное кольцо на его пальце тускло блеснуло, и грабители на мгновение замерли, узнав знак Инквизиции.

– Инквизитор? – высокий попятился, натываясь на стопку старых фолиантов. – Что здесь забыл «Чистый» в такой час?

– Я здесь по делу службы, – Люк не сводил взгляда с кинжала в руках коренастого. – И я не люблю, когда мне мешают проводить допрос.

– Да он один, – Марко, тот, что со шрамом, оскалился. – Глядите, у него глаза горят, как у бесноватого. Он сам под кайфом от ее зелий. Вали его, Пьетро!

Высокий вскинул руки, и в воздухе закружились искры грязно-бурого цвета. Это была низшая магия, пахнувшая гнилью и женой шерстью. Люк среагировал мгновенно, он не стал ждать, пока заклинание сформируется. Одним плавным движением он выхватил тяжелый армейский пистолет и, не целясь, выстрелил под ноги нападавшим.

Грохот выстрела в замкнутом пространстве был оглушительным. Пуля раздробила брусчатку пола, подняв облако каменной крошки. Маг вскрикнул, теряя концентрацию, и искры погасли, не успев причинить вреда.

– В следующий раз я попаду выше, – спокойно произнес Люк, взводя курок. – Убирайтесь, пока я не вспомнил свои обязанности по очистке города от мусора.

Марко, все еще сжимая кинжал, посмотрел на спокойное лицо Люка, затем на дымящийся ствол оружия. В глазах инквизитора плясало то самое золотистое пламя, которое не имело отношения к вере, но внушало первобытный ужас.

– Черт с вами, – выплюнул высокий, хватая напарника за рукав. – Эта лавка все равно проклята. Пошли отсюда!

Они выскочили за дверь, растворяясь в ночном тумане Рима. Люк еще несколько секунд стоял неподвижно, прислушиваясь к быстрому топоту их шагов по улице. Затем он медленно опустил пистолет и повернулся к Серафиме.

Девушка сползла по стене на пол, обхватив плечи руками, её била крупная дрожь. Люк подошел к ней, чувствуя, как его собственное сердце колотится в унисон с ее страхом. Он протянул руку, чтобы помочь ей встать, но вовремя остановился.

– Ты в порядке? – спросил он, и в его голосе против воли прорезалась тревога.

Серафима подняла на него глаза- в них больше не было той яростной ведьмы, которая опоила его отравой. Перед ним была напуганная, теряющая себя девушка. Она медленно протянула руку и коснулась его колена. Сквозь ткань брюк Люк почувствовал холод ее пальцев, и этот холод обжег его сильнее огня.

Он понимал, что только что совершил- он только что защитил ведьму. Он использовал власть Ордена, чтобы спасти ту, которую должен был отправить на эшафот. Это было прямое предательство, клеймо, которое теперь не смыть ни одной молитвой.

– Тебе нужно подняться, – Люк все же взял ее за локоть и потянул вверх.

Серафима оперлась на него всем телом, и на мгновение они замерли в этой странной, болезненной близости. Запах ее волос — горькие травы и дождь — кружил ему голову. Люк чувствовал, как магия настоя внутри него довольно урчит, получая то, чего жаждала. Ему хотелось прижать ее к себе, защитить от всего мира, и эта мысль была страшнее любого проклятия.

Она подошла к прилавку и снова взяла ручку. Ее рука дрожала, но она заставила себя писать.

«Спасибо», – единственное слово на листе.

Люк усмехнулся, и эта улыбка была больше похожа на гримасу боли.

– Не благодари меня, Серафима. Я защищаю не тебя, а защищаю свой единственный шанс не сдохнуть в ближайшие сутки.

Он отошел к окну, глядя на темные очертания собора на горизонте. Там, в штабе, его ждали отчеты, магистры и вера, которая с каждым часом казалась все более призрачной.

– Они вернутся, – прошептал он, не оборачиваясь. – И не только они... Инквизиция почует, что здесь что-то не так. Мой наставник, брат Элиас... он не так прост. Он заметит изменения.

Серафима подошла сзади, она не касалась его, но он кожей чувствовал исходящий от нее холод. В тишине лавки, среди обломков хрусталя и пыльных артефактов, они осознали новую реальность. Между ними больше не было баррикад из веры и магии, осталась только нагая необходимость выжить.

– Что нужно, чтобы разорвать связь? – спросил он ее, и девушка потянулась опять к бумаге, выведя на ней слово «соль» Люк знал, о каком веществе она написала. Эта была особая соль, и хранилась она у них в Инквизиции. Он кивнул, нехотя, понимая, что отступать не куда, и ему придется взять ее у своих же.

– Мы связаны, – Люк повернулся к ней, и их взгляды встретились. – И теперь я — твой единственный щит, а ты — мой якорь. Какая ирония, не находишь?

Девушка лишь печально улыбнулась, и этот жест был красноречивее любых слов. Она знала то, что он только начинал понимать: их путь теперь лежал во тьму, и выхода из нее не было.

Глава 5

Ночной Рим дышал сыростью и испарениями сточных каналов, когда Люк наконец покинул лавку. Ему нужно было уйти, пока он окончательно не потерял себя.

Тяжелая дверь за его спиной захлопнулась, и колокольчик издал последний, надрывный звон. С каждым шагом по неровной брусчатке виа дей Коронари пространство между ним и Серафимой росло, и это расстояние превращалось в физическую пытку. Сначала в груди появилось чувство, будто кто-то затянул на его ребрах стальной трос. Затем, когда он свернул за угол, в сторону Тибра, легкие наполнились жаром. Воздух казался слишком густым для вдоха, а ритм сердца сбился, пропуская удары через каждые пять или шесть тактов. Так вот как действует этот настой- магия внутри него не просто требовала близости, она буквально вырывала куски его плоти, заставляя возвращаться назад.

– Черт бы тебя побрал вместе с твоими склянками, – пробормотал Люк, прижимая ладонь к мундиру.

Ткань сукна под пальцами была влажной от пота. Он заставил себя идти дальше, мимо закрытых ставнями окон и безмолвных статуй, которые в лунном свете выглядели как застывшие судьи. Впереди высился массив Палаццо деи Пенитенти — цитадели Инквизиции. Серый травертин стен поглощал свет фонарей, превращая здание в монолитную глыбу. Гвардейцы у ворот, узнав инквизитора Тессаро, синхронно вскинули руки к груди, и лязг их карабинов об элементы разгрузочных жилетов эхом разнесся по пустынной площади. Люк прошел мимо них, даже не кивнув, внутри коридоров царил запах ладана, старого воска и дезинфицирующих средств, которыми здесь натирали полы до зеркального блеска.

Тяжесть в груди стала почти невыносимой, когда он начал подниматься по винтовой лестнице к кабинетам высшего совета. Колени дрожали, и на третьем пролете он остановился, чтобы перевести дух, и прислонился плечом к холодной кладке стены. В голове пульсировала одна мысль: Серафима. Ее бледное лицо, ее шепот, похожий на шелест сухой листвы, и тот ужас, который он видел в ее глазах. На мгновение ему захотелось сорвать с пальца серебряное кольцо и швырнуть его в пролет лестницы, но он лишь крепче сжал кулаки.

– Люк? Ты опоздал на два часа.

Голос отца Винченцо, его наставника, донесся из глубины коридора. Старик стоял у окна, заложив руки за спину, его длинная ряса из плотной шерсти скрывала худощавое тело, а в свете настенных бра лицо казалось высеченным из желтоватой кости.

– Проверка затянулась, – выдавил Люк, стараясь выровнять дыхание. – В лавке Фарина было много подозрительных записей.

Винченцо медленно повернулся. Его глаза, цветом напоминавшие мутное стекло, впились в лицо Люка с какой-то хищной внимательностью. Старик сделал шаг навстречу, и его подошвы издали сухой, шуршащий звук по мрамору.

– Подойди сюда, сын мой... Ты выглядишь так, будто только что боролся с бесом в подворотне.

Люк заставил себя сделать несколько шагов вперед, каждое движение отзывалось спазмом в диафрагме. Он чувствовал, как магия настоя внутри него взбунтовалась от ложных слов. Золотистое пламя в глубине зрачков грозило вырваться наружу, и он опустил голову, имитируя смирение.

– Лавка «Хроники забытых вещей», – произнес Винченцо, смакуя каждое слово. – Я помню этот притон... Семья Серафимы всегда была костью в горле Ордена. Ты нашел то, зачем я тебя посылал? Доказательства ее связи с отступниками?

В кабинете наставника было душно. На дубовом столе лежали открытые фолианты, пара свинцовых печатей из потемневшей латуни. Люк почувствовал, как по его позвоночнику стекает капля холодного пота.

– Нет, отец. Там только старый хлам- книги по ботанике, пустые флаконы и пыль. Ничего, что заслуживало бы внимания Трибунала.

Ложь ощущалась как кусок раскаленного железа, проглоченный натошак. В груди снова вспыхнуло, и Люк невольно поморщился. Винченцо подошел вплотную, от него пахло табаком и старым пергаментом. Старик прищурился и внезапно протянул руку, касаясь лацкана плаща Люка.

– Странно, – прошептал наставник. – От тебя пахнет не пылью... Я чувствую полынь...и ярутку. И что-то еще... что-то очень знакомое и очень опасное.

Люк замер, перестав дышать. Сердце в груди забилося в бешеном ритме, словно пойманная птица. Он видел, как палец старика в серебряном перстне медленно скользит по ткани его формы.

– Это запах лавки, – быстро ответил Люк. – Там все пропитано этими ароматами, я провел там слишком много времени, обыскивая подсобные помещения.

– И поэтому у тебя такой румянец? – Винченцо склонил голову набок, и на его губах появилась тонкая, почти незаметная усмешка. – И пульс на шее бьется так, будто ты пробежал от самого Ватикана. Неужели девчонка Фарина оказалась настолько искусной в своем ремесле, что смогла смутить верного слугу Инквизиции?

– Это не имеет отношения к ней, – Люк почувствовал, как в его голосе прорезалась сталь, рожденная отчаянием. – Я просто устал...лихорадка мучает меня с самого утра.

Винченцо молчал долго, слишком долго. Он продолжал изучать Люка, словно тот был интересным экземпляром под увеличительным стеклом. Затем старик отошел к столу и взял серебряный нож для разрезания бумаги.

– Мы все здесь солдаты, Люк. А солдаты часто падают не от меча врага, а от собственной слабости. Твой отец был великим инквизитором, он знал, что магия ведьм — это не только огонь и заклятья. Это прежде всего искушение...они знают, как найти трещину в самом крепком доспехе.

Старик коснулся острием ножа поверхности стола, оставив на дереве глубокую царапину.

– Ты уверен, что в той лавке ничего не произошло? Что ты не выпил предложенную воду? Что не коснулся ее кожи?

– Я чист, – соврал Люк, и в этот момент магия внутри него ответила такой острой вспышкой боли, что в глазах на мгновение потемнело.

Он едва устоял на ногах, вцепившись пальцами в край стола, кольцо на его руке внезапно стало ледяным, обжигая кожу символом его статуса. Теперь он понимал: он — предатель. Каждое его слово, каждый вздох в этих стенах были осквернены связью с Серафимой. Он больше не был частью этого мира молитв и строгих правил. Он стал чужаком, паразитом в теле Ордена.

– Иди отдыхай, – наконец произнес Винченцо, не глядя на него. – Но завтра утром я жду подробный отчет. И я пошлю брата Элиаса проверить твои слова, он мастер находить то, что другие предпочли бы скрыть.

Имя Элиаса подействовало на Люка как удар плетью. Элиас не знал жалости и если он придет в лавку, он не ограничится вопросами. Он перевернет там каждый камень, и он обязательно почувствует остатки магии настоя.

– Как прикажете, отец, – Люк поклонился, чувствуя, как во рту пересохло.

Выйдя из кабинета, он почти бегом направился к своим покоям. Коридоры казались бесконечными лабиринтами. Тени от факелов на стенах плясали, превращаясь в призрачные фигуры, которые тянули к нему руки. Он ворвался в свою комнату и запер дверь на тяжелый засов.

Здесь, в одиночестве, он наконец позволил себе осесть на пол, его била крупная дрожь. Люк стянул мундир и отшвырнул его в сторону. В зеркале на стене он увидел свое отражение: лицо было бледным, но глаза... в глубине его зрачков медленно вращались золотистые искры. Настоящий Фатальный Влечение вступил в полную силу.

Он понимал, что время скрытности на исходе. Инквизиция обладала острым чутьем на измену, и запах горьких трав, который преследовал его, рано или поздно выдаст его с головой. Но больше всего его пугало не это. Его пугало то, что, даже находясь здесь, в самом сердце своей веры, он всем существом тянулся назад, в ту пыльную лавку, к женщине, которая дала ему нечто опасное — связь, которую невозможно разорвать.

Люк закрыл глаза и прижал лоб к холодному камню пола. В тишине комнаты он слышал только свой пульс, и где-то далеко, на другом конце города, точно в таком же ритме билось сердце Серафимы. Теперь он был уверен в этом так же сильно, как в неизбежности рассвета. Капкан захлопнулся, и теперь им обоим оставалось только ждать, когда охотники поймут, что один из них стал добычей.

Глава 6

На холодном полу кельи Люк корчился от спазмов, которые больше не имели отношения к физической усталости. Травертин вытягивал тепло из его тела, но внутри бушевал пожар, раздуваемый каждым вдохом. Настоя Фатального Влечения теперь не просто гнал кровь по венам, он разрывал барьеры между его разумом и памятью женщины, чье имя застряло у него в горле горьким комком. Золотистые искры в глазах вспыхнули ярче, и реальность стен Палаццо деи Пенитенти окончательно растворилась. Внезапно Люк перестал чувствовать твердость камня под спиной.

Вместо этого пришел запах. Нет, это был не просто аромат, а удушливая вонь пальной шерсти, старой древесины и чего-то сладковатого, от чего внутренности сжались в судороге. Рот наполнился вкусом пепла. Сквозь застилающую зрение гарь он увидел мир с высоты детского роста. Маленькие руки, испачканные в саже, судорожно вцепились в край тяжелого дубового сундука. Люк чувствовал, как в груди крохотной Серафимы клокочет ужас, который невозможно было выплеснуть в крик — Закон Равновесия уже тогда наложил на нее свою тень.

Снаружи, за дверью подвала, грохотали окованные железом сапоги. Голоса, которые Люк привык почитать священными, теперь звучали как лай голодных псов.

– Именем Ордена! Выжигайте здесь всё! – этот приказ, отданный с ледяным спокойствием, Люк узнал бы из тысячи.

Это был Винченцо, его наставник. Только голос звучал моложе, звонче, но в нем уже тогда не было и капли человеческого сострадания. Люк дернулся в видении, пытаясь закрыть девочку своим телом, но его руки прошли сквозь воздух, как сквозь дым.

Перед глазами вспыхнула яркая полоса света — дверь в подвал рухнула под ударами топоров. В проеме стояли фигуры в серых плащах. Факелы в их руках отбрасывали пляшущие тени на стены, по которым стекала влага. Вперед вышел человек, лицо которого было скрыто капюшоном, но серебряное кольцо на пальце блеснуло в свете огня. Это был брат Элиас — молодой, жадный до крови, он с наслаждением наблюдал, как солдаты вытаскивают из угла кричащую женщину — мать Серафимы.

– Мама... – этот шепот в голове Люка отозвался невыносимой болью.

Он видел всё. Видел, как клинок из вороненой стали вошел в плоть, как кровь, черная в лунном свете, брызнула на каменный пол. Он чувствовал, как сердце ребенка замирает, а душа начинает трескаться, превращаясь в ту самую пустоту, о которой предупреждала Серафима. В ту ночь его герои, его идеалы, методично истребляли семью целителей, не щадя никого. И во главе этой бойни стояли те, кому он вчера присягал на верность.

Люк распахнул глаза и резко сел. Пот заливал лицо, рубашка прилипла к лопаткам, в груди пульсировала ярость, такая чистая и острая, что она перекрыла даже действие настоя. Он больше не чувствовал себя жертвой ведьмы. Теперь он был частью этой гнили, наследником убийц.

– Так вот как вы храните порядок, – прохрипел он в пустоту комнаты. – Кровью детей и пеплом невинных.

Люк верил в идеалы Инквизиции, верил в то, что они борются за свет, но не теми методами, что он видел во сне. Люк не боролся против детей, не убивал женщин, да, он мог навести страх, мог быть жестоким в словах и действиях, но, чтобы убить.. Люк не был идеалистом, он видел казни, присутствовал на них, и был уверен, что ведьмы получали по заслугам..Но теперь он видел все с другой стороны.

Он встал, пошатываясь, и подошел к зеркалу. Золотистое сияние в зрачках теперь казалось ему не проклятием, а единственной честной вещью в этом здании, построенном на лжи. Ему нужно было действовать, настоя Серафимы требовал жизни, а ее собственная жизнь уга-

сала с каждым часом. Чтобы остановить распад ее души и спасти свое сердце от остановки, ему требовалось то, что Инквизиция хранила за семью замками.

Алхимическая соль «Sal Lunae». Редчайшее вещество, способное стабилизировать магические потоки и укрепить связь, не давая ей разорвать носителя. Люк знал, что она находится в Секретном Архиве, в подземельях под главной капеллой.

Накинув плащ и скрыв лицо глубоким капюшоном, он вышел в коридор. Тени здесь казались гуще, чем обычно, каждый шорох заставлял его сжимать рукоять армейского Beretta под полой плаща. Теперь он не инквизитор на задании, он — вор.

На повороте к лестнице он едва не столкнулся с ночным патрулем- трое гвардейцев в полной экипировке медленно шли по галерее, и свет их фонарей скользил по колоннам. Люк вжался в нишу за статуей святого Антония.

– Слышал? Тессаро совсем сдал, – донесся до него приглушенный голос одного из гвардейцев. – Винченцо говорит, лихорадка, но Элиас уверен, что он что-то скрывает.

– Элиас всегда во всем уверен, – ответил второй, лязгнув затвором винтовки. – Если Люк оступился, его сотрут в порошок. Родословная не поможет...

Люк дождался, пока шаги стихнут. Значит, Элиас уже идет по следу... Времени почти не осталось, ведь Инквизиция действует очень быстро.

Спустившись в нижние ярусы, он оказался перед тяжелой дверью из мореного дуба, обитой листами потемневшей латуни- это был вход в Хранилище Запретных Субстанций. Магическая печать на замке требовала крови и кольца инквизитора. Люк приложил палец к острому шипу на механизме- резкая боль, капля красного на металле — и шестеренки пришли в движение с утробным скрежетом.

Внутри пахло озоном и старой кожей, на бесконечных полках стояли сосуды из темного стекла, свинцовые ящики и запаянные реторты. В глубине зала, на постаменте из белого мрамора, под стеклянным колпаком мерцала соль. Она была похожа на измельченный жемчуг, испускающий слабое голубоватое свечение.

Люк подошел к постаменту. Его руки дрожали, когда он поднимал колпак, кольцо на пальце начало ощутимо нагреваться, предупреждая систему безопасности о несанкционированном доступе.

Он схватил кожаный мешочек с солью и спрятал его во внутренний карман. В этот же миг по всему зданию разнесся низкий, гудящий звук набатного колокола. Сигнализация сработала.

– Вор в хранилище! Перекрыть выходы! – закричали где-то наверху.

Люк бросился к запасному выходу, который вел в систему водосточных тоннелей. Он бежал, не чувствуя ног, а в его голове бился образ Серафимы. Теперь он был предателем, но когда он касался мешочка с солью, жар в его груди на мгновение становился ласковым, почти нежным.

– Держись, – выдохнул он, прыгая в темноту люка. – Я иду.

Глава 7

Ночной Рим был тих и безветренным, словно кто-то забрал все звуки. По одной из улиц шел мужчина, он двигался осторожно, но можно было заметить, как каждый шаг давался ему тяжело, и он делал короткие передышки. Одна рука его было расположена вдоль туловища, другая находилась за пазухой, словно он что-то там держал.

Он дошёл до неприметного магазинчика, который располагался вдали от шумных туристических троп. В этом месте время словно замирало, и можно было почувствовать особую атмосферу старинного города. Не постучавшись, он открыл дверь, словно зная, что его будут ждать. Внутри был полумрак, но инквизитору свет не нужен был. Он сразу же увидел, как бледная тень девушку словно отделилась от стены, выйдя ему на встречу.

- Я принес, - прошептал он, вынув руку и показав ей мешочек с солью. В глазах девушки вспыхнула надежда. Серафима сделала над собой усилие и приблизилась к нему еще на шаг, она была бледной, не такой как была прежде, словно потеряла все свои краски. Девушка протянула руку к мешку, почти не весомо, словно не веря, тому что Люк сделал это, принес ей нужный компонент.

- Нужно спешить, - хриплый голос мужчины прокатился волной по телу Серафимы.

Он прав, им нужно быстрее действовать. Закрыв дверь на замок, девушка повела Люка в подсобное помещение, где, судя по запахам, находился склад трав и специй. Здесь им не помешают.

Внезапный громкий стук в дверь прервал их уединение.

- Открывай, ведьма, пока мы не вынесли петли вместе с косяком! – голос брата Элиаса просочился сквозь щели перекрытий, напоминая скрежет ржавой пилы по кости.

Серафима со страхом взглянула на Люка, и коснувшись его рукой, жестом позвала его следовать за ней. Указав слабым движением руки на угол, где стояли ящики с чем-то, она потянула один из них на себя.

Громкий стук в дверь подтолкнул Люка, и он, отодвинув девушку, сам убрал ящики, за которыми можно было увидеть лаз с дверцей, который вел в подвал. Мужчина все понял, и открыв дверку, и юркнул вниз.

В сыром подвале лавки пахло мокрой известью и прогорклым маслом, которое капало из старой лампадки на углу стеллажа. Люк прижался спиной к холодной кладке, чувствуя, как через ткань плаща проступает липкий холод известняка. Ладонь судорожно сжимала мешочек с солью «*Sal Lunae*», и крупницы вещества кололи кожу сквозь тонкую кожуру свертка.

Люк затаил дыхание, стараясь не шевелить даже пальцами. Его сердце колотилось где-то в районе горла, мешая вдыхать разреженный воздух подполья. Он слышал, как заскрипели петли входной двери, и колокольчик над входом выдал короткий, оборванный звон. Затем наступила тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием двух или трех человек.

- Где он? – Элиас произнес это почти шепотом, но в этом звуке было больше угрозы, чем в крике. – Мы знаем, что Тессаро приходил сюда, его машина стоит через три квартала, и след ведет прямо к твоему порогу.

Серафима молчала. Люк представил, как она стоит перед этим мясником в сером плаще, вздернув подбородок и сжимая губы. Он чувствовал ее страх — теперь этот страх стал его собственным, пульсируя в висках золотистыми вспышками настоя.

- Забыла, как говорить? – послышался смешок другого инквизитора, которого Люк узнал по хриплому кашлю. Это был Марко, один из самых исполнительных псов Элиаса. – Ничего, мы напомним... У нас есть способы развязать язык даже тем, кто заложил душу за пару склянок с отравой.

Раздался звон разбитого стекла. Судя по звуку, Марко смахнул с прилавка ряд флаконов. Люк стиснул зубы так, что челюсть заныла, он видел сквозь узкую щель в потолке, как на пол льется фиолетовая жидкость, смешиваясь с пылью и осколками хрусталя.

– Оставьте ее, – Элиас прошелся по лавке. Шаги его были медленными, размеренными. – Доставайте «Искатель». Если в этом гадюшнике есть след высшей алхимии или наш блудный брат притащил сюда ворованное, прибор не ошибется.

Люк почувствовал, как по позвоночнику потек ледяной пот. «Серебряный искатель» был кошмаром для любого, кто пытался скрыть магию. Это устройство из полированной платины с подвешенной на волоске каплей ртути реагировало на любую концентрацию запрещенных солей. А в кармане Люка сейчас находился целый мешочек «Sal Lunae».

Сверху донеслось тонкое, нарастающее гудение. Оно походило на звук потревоженного роя ос. Люк посмотрел на свою руку: серебряное кольцо на пальце начало мелко вибрировать, отзываясь на работу прибора.

– Смотри-ка, как завертелась, – удовлетворенно пробормотал Марко. – Тянет к прилавку. Нет, дальше...К задней комнате...

Снова раздалися шаги, на этот раз они двигались прямо к люку. Серафима, должно быть, попыталась преградить им путь, потому что Люк услышал звук глухого удара и ее сдавленный хрип.

– Не смей дергаться, тварь, – прошипел Элиас. – Ты и так уже на костре одной ногой... Если Люк здесь, я лично вырежу твое сердце и брошу его в Тибр.

Люк нащупал рукоять Beretta, пристегнутой к бедру. Мысль о том, чтобы выскочить и расстрелять их обоих в упор, на мгновение показалась единственно верной. Но что потом? Весь Рим наполнится инквизиторами через десять минут. Он станет не просто вором, а убийцей своих братьев.

– Стрелка указывает вниз, – голос Марко теперь звучал прямо над головой. – Здесь подпол... убирай ящики.

Люк вжался в самый темный угол, за стеллаж с пустыми ящиками из-под вина. Его пальцы нащупали кусок старой мешковины, и он набросил его на себя, стараясь слиться с тенями. В этот момент он увидел лицо Серафимы в узком просвете между досками. Она смотрела прямо вниз, и в ее глазах, обычно холодных и непроницаемых, плескался первобытный ужас. Она не за него боялась, она боялась того, что произойдет с ней, если его найдут.

Крышка люка вздрогнула. Кто-то потянул за кольцо, но старый засов, который Люк успел задвинуть изнутри, выдержал.

– Заперто, – буркнул Марко. – Дай мне лом, я вскрыю это гнилье.

– Подожди, – Элиас внезапно остановился. – Гудение изменилось. Ртуть... она почернела.

Наступила звенящая тишина. В этой тишине Люк слышал, как капает вода где-то в глубине тоннелей.

– И что это значит? – спросил Марко.

– Это значит, что здесь был «Sal Lunae», – голос Элиаса стал сухим и ломким. – Но сейчас фон слишком чистый. Либо он ушел через стоки, либо...

Он не договорил. Люк почувствовал, как настой внутри него отозвался резким толчком-магия Серафимы, пульсирующая в его венах, внезапно начала поглощать эманации соли в его кармане. Она словно окутывала мешочек невидимым коконом, гася его сияние для внешних приборов. Это было невозможно! Ни одна ведьма не обладала такой силой контроля над чужеродными веществами...

– Либо прибор неисправен, – закончил за него Элиас. – Проклятье... Здесь воняет ее травами так, что ртуть сходит с ума.

Раздался звук резкой пощечины. Люк вздрогнул, едва не выронив Beretta.

– Это тебе за потраченное время, – процедил Элиас, обращаясь к Серафиме. – Мы вернемся. И когда мы это сделаем, у нас будет ордер на полную «очистку». Ты понимаешь, что это значит? Никаких судов! Только огонь и пепел!

Шаги начали удаляться, Люк ждал, считая секунды по ударам своего пульса. Прошла минута, затем вторая.. Дверь лавки снова звякнула, возвещая об их уходе, снаружи взревел двигатель внедорожника, шины провизжали по мокрой брусчатке, и звук постепенно затих в лабиринте римских переулков.

Люк не двигался еще долго. Он сидел в темноте, глядя на свои руки, которые теперь светились слабым, едва заметным золотом. Настой и соль вступили в реакцию, и он чувствовал, как его тело меняется.

Люк поднялся, и потянулся крышке люка, засов отошел с тяжелым скрежетом, и в проем хлынул свет ламп. Серафима стояла наверху, ее лицо было залито слезами, которые она не могла стереть, потому что руки ее дрожали. На щеке уже расцветал багровый след от удара Элиаса.

Люк выбрался из подвала и встал перед ней. Лавка выглядела как после погрома: полки покосились, пол был усыпан осколками стекла и сушеными листьями. Запах полыни стал невыносимо острым.

– Ты жива? – спросил он, и его собственный голос показался ему чужим, надтреснутым.

Серафима лишь кивнула. Она открыла рот, пытаясь что-то сказать, но из ее горла вырвался только слабый, свистящий звук. Ее пальцы вцепились в его предплечье, сжимая ткань плаща так сильно, что костяшки побелели. Люк почувствовал, как через это прикосновение в него вливается волна ее боли — не физической, а той глубокой, древней горечи, которую он видел в ее воспоминаниях.

– Они ушли, – Люк осторожно коснулся ее лица, проводя большим пальцем по следу от удара. – Слышишь? Их больше нет.

Она прижалась лбом к его груди, и ее плечи затряслись в беззвучном рыдании. Люк обнял ее, чувствуя, как мешочек с солью в его кармане греет бок. Он знал, что этот жест — окончательное предательство, мужчина обнимал врага, он скрывал улики, он украл святыню Ордена. Но в этот момент, в полуразрушенной лавке среди запаха горьких трав, все это казалось единственно правильным.

– Теперь мы оба вне закона, – прошептал он ей в волосы. – Назад пути нет.

Серафима отстранилась и посмотрела ему в глаза. В ее взгляде не было благодарности — только фатализм человека, который увидел конец света и понял, что придется идти дальше. Она взяла его за руку и повела вглубь лавки, мимо разбитых витрин и опрокинутых стульев.

Люк смотрел на ее спину, на тонкую шею, скрытую темными волосами. Он понимал, что Элиас не блефовал. «Очистка» — это смертный приговор без права на апелляцию. Завтра здесь будут десятки солдат, и у них есть всего несколько часов, чтобы использовать соль и попытаться разорвать или хотя бы стабилизировать ту связь, которая убивала их обоих.

– У нас есть «Sal Lunae», – сказал он, выкладывая мешочек на уцелевший край прилавка. – Скажи мне, что делать.

Серафима посмотрела на жемчужные крупы, и в ее глазах на мгновение вспыхнул профессиональный интерес травницы, сменившийся глубокой тревогой. Она взяла бумагу и быстро набросала несколько слов карандашом.

«Этого мало, соль лишь укрепит сосуд. Но чтобы остановить распад, нужно нечто большее. Тебе придется принять меня целиком, Люк... без остатка.»

Люк прочитал записку и почувствовал, как жар настоя снова вспыхнул в паху, разливаясь по телу тягучим свинцом. Он знал, что она имеет в виду, и теперь, глядя на нее, он понимал, что больше не хочет сопротивляться. Его ненависть была жива, но она переплавилась в нечто иное — в яростное, темное желание принадлежать той, кто разрушил его жизнь.

– Значит, так тому и быть, – ответил он, делая шаг к ней, – Я готов.

Глава 8

Серафима лишь качнула головой. Она попыталась сделать шаг к нему, но ноги подогнулись, и она начала заваливаться в сторону стеллажа с пустыми ретортами. Люк среагировал быстрее, чем успел подумать, он бросился вперед, подхватывая ее за талию.

Когда его ладонь коснулась ее бока, между ними словно лопнул высоковольтный кабель. Люка дернуло назад, но он не разжал пальцев – кожа Серафимы была обжигающе горячей, вопреки ее бледности. Через ткань ее тонкого платья он ощущал каждый контур ее тела, и этот контакт вызвал в нем волну первобытного, темного желания, которое тут же смешалось с чудовищным чувством вины.

В его голове вспыхнули обрывки образов, не принадлежавших ему. Запах горелого лавра, звон серебряных колокольчиков, тяжесть взгляда Винченцо, направленного на него через десятилетия.

Серафима подняла на него глаза, в их голубизне теперь плавали золотистые нити, такие же, как в чаше с настоем. Она коснулась его щеки кончиками пальцев, и Люк почувствовал, как его страх перед предательством Инквизиции сталкивается с ее ненавистью к убийцам ее матери. Эти чувства терлись друг о друга, как тектонические плиты, вызывая в теле мелкую дрожь.

– Ты чувствуешь... пустоту? – ее шепот отозвался в его сознании отчетливым эхом, хотя губы ее почти не шевелились.

– Да, – признался он, чувствуя, как его сердцебиение подстраивается под ее рваный ритм. – Оно... холодное.

Люк понимал, что это начало конца. Закон Равновесия не просто наказывал ведьму, он требовал платы за его, Люка, спасенную жизнь. Если он не отдаст ей то, что она вложила в него вместе с магией, она станет тенью. А он умрет вслед за ней, потому что его сердце больше не принадлежало ему одному.

В тесном пространстве между прилавком и стеной воздух казался густым, как патока. Запах горьких трав и старой кожи смешивался с ароматом дождя, проникающим сквозь щели. Люк чувствовал, как его дисциплина, ковавшаяся годами в застенках Ордена, рассыпается прахом под напором этого неестественного влечения.

– Нам нужно... – Серафима снова запнулась, ее пальцы судорожно впились в его плечи.

Ее тело начало вибрировать и это не было обычным ознобом. Люк видел, как кончики ее волос становятся полупрозрачными, растворяясь в сером свете комнаты. Пустота забирала ее кусок за куском.

– Нет! – Люк прижал ее к себе еще сильнее, пытаясь своим теплом остановить этот распад. – Я здесь. Слышишь? Я не дам тебе исчезнуть!

Он чувствовал ее пульс на своей шее – он был слишком частым, поверхностным. В какой-то момент их сознания слились настолько плотно, что Люк перестал понимать, где заканчиваются его мысли и начинаются ее. Он видел горящее здание, слышал крики, чувствовал вкус пепла на языке. И одновременно с этим он ощущал свою собственную вину перед Орденom, свой страх перед Элиасом и ту лихорадочную жажду обладания, которую вызывал настой.

– Люк...

Этот звук отозвался в его груди физическим ударом. Он посмотрел на ее губы, искусанные и сухие, и в этот момент все доводы рассудка, вся его вера в «Чистых» и закон Инквизиции показались ему жалкой ложью. Реальностью была только эта женщина, этот холод, пожирающий ее, и его собственная жизнь, которая теперь зависела от каждого ее вздоха.

Внезапно с улицы донесся звук закрывающейся двери автомобиля. Люк замер, превратившись в слух. Шаги по мокрой брусчатке. Медленные. Уверенные. Это был не патрульный.

Это был Элиас. Они не уехали, они решили оставить засаду на тот случай, если он Люк вернется. И они видимо почувствовали, что он здесь..они не смогли обмануть Инквизицию.

– Он идет сюда, – Люк перехватил пистолет, чувствуя, как ладонь взмокла от пота. – У нас нет времени на ритуалы.

Он подхватил Серафиму на руки. Она была легкой, почти невесомой, как будто ее кости превратились в сухой тростник. Он понес ее в другую сторону от подсобного помещения, за тяжелую бархатную штору, в маленькую каморку, где на полу лежал старый матрас и пахло лавандой.

– Если он войдет, мне придется стрелять, – прошептал Люк, опуская ее на ткань. – Ты понимаешь, что это значит?

Серафима кивнула, глядя на него с отчаянием загнанного зверя - она знала. После первого же выстрела они оба станут официальными целями для уничтожения. Не будет допросов, не будет судов...только зачистка.

– Тогда... сделай это, – она потянула его за край плаща. – Пока я еще здесь.

И из последних сил наложила морок на вход, чтобы их не обнаружили.

Люк почувствовал, как жар настоя в его венах достиг апогея. Это была не просто страсть, это была агония выживания, его тело требовало близости так же сильно, как легкие требуют воздуха при утоплении. Он опустился перед ней на колени, снаружи раздался стук в дверь- три коротких, властных удара. Это был Элиас.

– Тессаро! Я знаю, что ты там! – голос инквизитора был лишен эмоций, как лезвие гильотины. – Открой дверь, или я сочту это сопротивлением при задержании.

Люк посмотрел на Серафиму. В ее глазах он увидел свое отражение — человека, который потерял все, но обрел нечто гораздо более опасное. Резонанс между ними стал невыносимым. Каждое слово Элиаса отдавалось в их общих нервных окончаниях вспышками боли.

– Тише, – выдохнул Люк, накрывая ее губы своими.

Этот поцелуй не был нежным. В нем был вкус отчаяния, железа и горьких трав, но как только их губы соприкоснулись, ледяная воронка в груди Серафимы начала заполняться. Люк чувствовал, как его собственная жизненная сила перетекает в нее, укрепляя ее тающее тело. Он отдавал ей себя, кусочек за кусочком, надеясь, что этого хватит, чтобы удержать ее на этом свете.

За дверью лавки воцарилась тишина. Люк знал, что Элиас сейчас достает свой «Искатель» или проверяет замок. У них оставались секунды, магия настоя теперь диктовала свои условия, превращая их страх в яростный огонь, который должен был выжечь все остальное.

– Давай... – прошептала Серафима ему в губы, и ее голос стал чуть крепче.

Люк сорвал с себя плащ, отбрасывая его в сторону. Серебряное кольцо на его пальце ощутимо нагрелось, предупреждая о присутствии высших чинов Ордена совсем рядом. Но сейчас это не имело значения. Единственным законом в этой комнате был ритм их сердец, сливающихся в один безумный такт.

Он чувствовал, как Элиас стоит там, за тонкой преградой дерева и стекла, олицетворяя собой все, что Люк предал. Но когда он коснулся кожи Серафимы, вся мощь Инквизиции показалась ему не более чем пылью на ветру. Он был готов гореть, если это означало, что она будет дышать.

Но вдруг тело Люка выгнулось дугой, и судорога прошла от лопаток до поясницы. Он рухнул на колени, ударившись подбородком о матрас, и сжал челюсти так, что зубы скрипнули. Пальцы соскользнули с плеч Серафимы, оставляя на ее коже красные полосы. В груди что-то оборвалось — не метафорически, а вполне буквально, словно сухожилие лопнуло от натяжения. Сердце замерло. На секунду, может две. Затем ударило снова, но уже с перебоем, как часы с разбитым механизмом.

– Люк! – голос Серафимы прорезался сквозь хрип, и она сама вздрогнула от неожиданности. Слова давались с трудом, каждый звук царапал горло.

Он не ответил, глаза закатились, обнажая белки с проступившими красными прожилками. Еще одна волна сведенных мышц бросила его на бок, и он скорчился на полу, прижимая кулаки к груди. Пальцы левой руки судорожно скомкали ткань рубашки, которую Серафима недавно расстегнула.

Снаружи, за стенами лавки, Элиас все еще стоял у двери. Три удара в косяк повторились, на этот раз с большей силой.

– Тессаро! У меня ордер на обыск, и ты это знаешь! Открывай, или я выломаю петли!

Серафима не слышала его, вернее, слышала, но звуки доходили словно сквозь вату, приглушенные и искаженные. Она смотрела на Люка, на его сведенные судорогой плечи, на проступивший пот на висках, и внутри нее разрастался лед. Не метафорический — настоящий, холод начал с кончиков пальцев, поднимаясь выше, к запястьям, локтям, плечам. И везде, куда он добирался, исчезало чувство.

Она больше не ощущала фактуры ткани своего платья, не чувствовала тепло от лампы на стене. Даже запах лаванды и полыни, который раньше казался слишком резким, теперь стал пресным, словно она нюхала воду.

Люк застонал сквозь сжатые зубы, и звук этот был похож на скрежет точильного камня о сталь. Его тело снова изогнулось, на этот раз так сильно, что затылок ударился о половицы. Он задохнулся, ловя воздух ртом, как рыба, выброшенная на сушу.

– Нет, – Серафима опустила на колени рядом с ним, шепча почти одними губами. Попыталась взять его за руку, но пальцы не слушались. Они были чужими, деревянными протезами, которые она не могла контролировать. – Нет, ты не умрешь. Слышишь? Ты не умрешь!

Он открыл глаза. Золотистое сияние в зрачках пульсировало в такт его рваному сердцебиению, и в этом свете она увидела свое отражение. Бледное лицо, губы, ставшие серыми. И глаза, в которых уже не осталось ничего, кроме надвигающейся зимы.

Дверь лавки содрогнулась от удара. Элиас решил не ждать.

– Взломать! – приказал он, и голос его был совсем близко, отделенный от них лишь коридором и тяжелой шторой. – Проверить каждый угол, если Тессаро здесь, он арестован!

Серафима почувствовала, как по щекам текут слезы. Они были странными — не горячими, как должны быть, а прохладными, почти безразличными. Как будто ее тело уже смирилось с тем, что она становится тенью, и просто выполняло механические действия.

Люк поднял руку. Это заняло у него целую вечность — пальцы дрожали, мышцы сопротивлялись, но он все же коснулся ее лица, его ладонь была обжигающе горячей, контраст с ее собственным холодом.

– Если я умру... – он закашлялся, и на губах выступила кровь. – Ты станешь...

– Пустотой, – закончила она за него. – Я знаю.

Его взгляд скользнул по ее лицу, по губам, по шее, и в этом взгляде было что-то помимо боли. Желание и голод — тот самый настой, который он выпил по собственной глупости, теперь требовал своего, смешивая жажду жизни с жаждой обладания.

Серафима закрыла глаза. Она ненавидела его, ненавидела всем, что от нее осталось — каждой уцелевшей искрой, каждым ударом сердца, которое еще не замерло. Он был инквизитором и был убийцей ее семьи. Он был тем, кто поклялся уничтожить таких, как она.

Но его смерть означала ее падение, и сейчас, когда холод подбирался к ее груди, когда звуки становились глуше, а цвета тускнели, она поняла: это не выбор между добром и злом. Это выбор между существованием и небытием.

Люк потянул ее к себе, и она позволила. Его руки, несмотря на судороги, оказались на ее талии, сжимая ткань платья с отчаянием утопающего. Когда она склонилась над ним, их губы

встретились снова, и этот поцелуй был другим. Не мягким, не нежным — грубым, отчаянным, с привкусом крови и горечи.

Где-то в доме раздался треск дерева. Это Элиас ломал дверь.

Но Серафима больше не думала о нем. Когда ее тело прижалось к телу Люка, когда его жар хлынул в ее остывающие жилы, пустота отступила. На секунду. На один удар сердца... Этого было мало, но этого хватило, чтобы понять — они еще могут спастись.

— Давай, — выдохнул он ей в губы. — Пока я еще дышу.

Она кивнула. И позволила себе упасть в этот огонь, зная, что другого пути нет.

Глава 9

Золото зелья полностью затопило радужку ее глаз. Рассудок уступил место инстинкту выживания.

Жар от ладони мужчины ударил в лед кожи Серафимы. Через место контакта температура хлынула в онемевшие сосуды. Кровь ускорилась, зелье требовало начала ритуала спасения. Рывком потянув руку на себя, Люк опрокинул девушку. В итоге она рухнула прямо на его раздвинутые бедра.

– Ненавижу, – сказала она в воротник рубашки.

– Взаимно, – ответил он.

Ладони мужчины обхватили талию, пальцы сжали шерсть платья, раздался громкий треск швов. Разведя руки в стороны, инквизитор разорвал одежду на спине Серафимы. Сквозняк ударил по лопаткам и дыхание Люка ошпарило шею. Дернув пряжку ремня, он выругался сквозь зубы. Латунь застряла в отверстиях кожи, а руки мужчины тряслись от спазмов нехватки кислорода.

Девушка накрыла его кулаки своими пальцами, прикосновение льда немного остудило мышцы. Щелкнул металл и брюки соскользнули по ногам к полу.

Сгусток крови вылетел изо рта инквизитора. Сплюнув на доски, он толкнул Серафиму в угол комнаты, на матрас. Навалившись сверху, мужчина вдавил ведьму в подстилку. Колено Люка раздвинуло ноги девушки. Видимо, настой забирал последние резервы организма ради завершения цикла.

– Сними это, – прохрипела она.

Корсет перекрывал доступ. Рванув шнуровку, инквизитор вырвал петли с кусками ткани. Оторванные детали полетели на пол, воздух наполнился запахом пота, оружейной смазки и конской сбруи, от тела мужчины разило казармой. И этот запах почему-то вызывал спазмы внизу живота Серафимы. Закон Равновесия ломал волю, и гордость исчезала.

Проведя рукой по животу, мужчина спустился ниже, пальцы нашли влагу между складок плоти. Серафима вздрогнула от прикосновения - внутри сознания боролись наступающая пустота и вспыхнувшая похоть. Зелье однозначно отдавало победу похоти.

Касание пальцев Люка к внутренней стороне бедра спровоцировало судорогу, тело предавало разум с пугающей скоростью. Влага скопилась между ног, и инквизитор прижал таз к бедрам девушки, вставшая плоть коснулась жидкости- никакой прелюдии не последовало. Одним толчком таза, и он вошел внутрь.

Крик застрял в горле, мужчина тут же закрыл рот Серафимы ладонью. Да и понятно почему- за стеной бушевал Элиас- звуки ударов сапог о дверь доносились даже сюда.

Внутри живота ведьмы разгорелся костер. Вторжение разорвало цепи онемения, жар чужого естества проник вглубь вен, небытие отступило на шаг. Выгнувшись дугой, девушка подалась навстречу весу Люка, и ногти впились в плечи инквизитора.

Войдя на всю длину, мужчина замер. Спина напряглась, и через точку контакта магия хлынула из тела Люка в тело Серафимы. Сердце инквизитора сделало один удар, за ним последовал второй. Ритм выровнялся, и боль от спазма исчезла.

От толчка Серафима громко вскрикнула, её звук потонул в плече Люка. Зубы прокусили кожу инквизитора до крови, вкус железа осел на языке. Боль от разрыва тканей смешалась с жаром зелья, Серафима почувствовала поступление чужой энергии в вены. Пустота отчаянно сопротивлялась этому вторжению- лед внутри клеток скрежетал под натиском огня инквизитора.

– Не смей останавливаться, – прошептала она.

Наверное, страх исчезновения заставлял просить продолжения. Начав двигаться, Люк задал рваный темп, он тянул бедра ведьмы на себя, каждый толчок сотрясал матрас. Пыль сыпалась с полок от вибрации, закинув лодыжки на поясицу инквизитора, Серафима замкнула круг. Теперь он никуда не денется.

Прижав рот к ключице, мужчина прокусил кожу, а потом он потянулся к ее губам, и щетина расцарапала подбородок девушки. Треск досок в зале стал громче – видимо, патруль выломал вход в лавку. Слышат ли они шум из подсобки? Плевать... Значение имел только ритм фрикций.

Изменив угол, Люк ударил тазом сильнее. Химия зелья исказила реальность до неузнаваемости. Охотник искал спасения между ног жертвы, а она принимала убийцу семьи ради сохранения жизни.

Подняв глаза, Серафима увидела лицо Люка. Капли пота стекали со лба на подбородок. Челюсти плотно сжались. В зрачках горела похоть, перехватив запястья девушки свободной рукой, он вдавил их в матрас.

– Моя, – сказал инквизитор.

Слово резануло слух. Отпустив одну руку, Люк схватил грудь Серафимы, большой палец с силой сдавил сосок, ругательство сорвалось с губ ведьмы. Низ живота стянуло узлом напряжения, и звуки трения плоти эхом отражались от стен, воздух сразу же пропитался мускусом.

Кольцо Инквизиции царапало кожу девушки при каждом скольжении. Серебро оставляло ожоги, но это трение лишь усиливало возбуждение.

– Дыши, – бросил он.

Где-то за стеной раздался грохот. Видимо, Элиас уронил на пол тяжелый шкаф с книгами.

Ну и черт с ним. Сейчас для двоих существовал только продавленный матрас.

– Ненавижу тебя, – выдохнул Люк.

Бедра ударили с новой силой.

– Абсолютно взаимно, – отозвалась девушка.

Она потянула инквизитора за волосы на затылке, заставила смотреть прямо в лицо, сразу же губы накрыли губы. Поцелуй отдавал желчью и привкусом полыни, язык Люка вторгся в рот с неистовой яростью, с такой же силой тело брало ее внизу.

Дернув руками, Серафима вырвалась из захвата. Ладони заскользили по спине Люка, нащупав рубцы от плетей, она вонзила ногти в шрамы. Рык сорвался с губ инквизитора.

Темп фрикций достиг предела. Люк вбивался в нутро без пауз, матрас отъехал по доскам к стене, и от толчка стеклянная банка с песком упала со стола. Раздался звон, и осколки стекла разлетелись по полу. Песок засыпал щели половиц, но никто не обратил внимания на разрушения.

Приближение разрядки скрутило нервы. Запрокинув голову, Серафима подставила шею, рот Люка тут же прижался к артерии. Мышцы влагища сдавили мужской орган с силой тисков, и волны спазмов ударили по бедрам. Перед глазами поплыли пятна, девушка стиснула инквизитора внутри себя.

Тело Люка дернулось, спина выгнулась. Воздух со свистом покинул легкие, и мужчина излился внутрь ведьмы потоками семени. Смесь жидкостей замкнула контур магии, и сердце инквизитора забилось с нормальной частотой.

Упав сверху, Люк придавил Серафиму весом. Дыхание обоих напоминало работу мехов кузни, а грудь мужчины терлась о соски девушки при каждом вдохе.

Спихнуть его не хватало сил. Руки упали на пол рядом с кусками стекла, онемение исчезло, восприятие запахов вернулось, аромат сушеной лаванды снова стал резким. Было слышно звуки шагов Элиаса, которые гремели за стеной – сюда патруль пока не заходил. Морок на двери еще держался.

Повернув голову, девушка посмотрела на инквизитора- на виске ритмично пульсировала вена. Жизнь вернулась в организм, магия сработала без сбоев.

Связь закрепилась в обход законов Ордена. Нити сплели судьбы намертво, и теперь смерть одного означала гибель другого.

Люк прикрыл веки предплечьем. Никаких слов не произносилось.

Впрочем, разговоры и не требовались. Взаимная зависимость ощущалась в каждом вдохе. На полу валялась форма Инквизиции, а возле матраса замерла оторванная пуговица. Настой растворился в крови без остатка, но он оставил после себя только горечь на губах.

Оперившись ладонями о матрас, Люк приподнялся. Золото покинуло зрачки, и радужка стала серой, взгляд опустил на раздвинутые ноги Серафимы, а затем скользнул по остаткам платья. Лицо исказилось от отвращения, в первую очередь к самому себе.

Серафима молча смотрела в потолок, ведь ритуал завершился. Но спасение оставило после себя пепел на губах.

Глава 10

Серый рассвет сочился сквозь щели в ставнях, ложась полосами на ворс ковра и разбитые банки из стекла на полу. Серафима открыла глаза, тело ныло, зато в нем было тепло. Живое, настоящее тепло, которое струилось по венам вместо вчерашнего льда. Пустота отступила, Закон Равновесия выполнил свою часть сделки — жизнь в клетках сохранилась. Однако на смену холоду пришла другая напасть. Тяжелая, звонкая печаль осела в груди, давя на ребра словно камень.

Было тихо, после звуков погрома и почти жестокого секса, Серафиме казалось, что она оглохла. Инквизиция так и не смогла преодолеть морок, и не найдя своего «брата», покинула лавку.

Рядом на матрасе лежал Люк. Он спал, но сон его был сном загнанного зверя, кисти сжались в кулаки, на скулах дергались жевательные мышцы, а дыхание выходило с присвистом. Сквозь остатки магической связи Серафима чувствовала то, что кипело внутри инквизитора. Ненависть, ужас и отчаяние. Эти эмоции били по нервам током.

Для нее прошедшая ночь означала спасение, выполнение закона рода, выживание, сохранение искры разума. Для него же это стало падением в бездну... Инквизитор, поклявшийся истреблять ведьм, оказался в постели с одной из них. И теперь эта связь намертво сковала их судьбы.

Люк вздрогнул во сне. Резко открыл глаза. Взор был мутным, дезориентированным, но уже через секунду в нем проступила паника. Мужчина рывком сел на матрасе. Пальцы с силой впились в колени.

– Дьявол, – выдохнул он.

Серафима не пошевелилась. Лежала на боку, наблюдая за врагом сквозь опущенные ресницы. Каждый вдох Люка отдавался тупой болью в ее груди. Связь продолжала работать, передавая эмоции от одного к другому без затухания.

Спустя несколько секунд инквизитор поднялся. Движения были резкими, судорожными, словно он пытался сбросить с кожи невидимых паразитов. Подобрал брюки из шерсти с пола и натянул их, не заботясь о пуговицах на поясе. Рубашка из хлопка превратилась в лохмотья еще ночью, так что он просто наступил на ткань ботинком.

Серафима села на матрасе. Простыня сбилась к бедрам, обнажая плечи и ключицы. На коже еще виднелся след от серебряной печати — ожог в форме креста.

– Люк, – голос прозвучал тихо, но в нем уже не было вчерашнего хрипа.

Мужчина замер. Стоял спиной к ней посреди подсобки среди обломков полок и осколков склянок. Шея напряглась, жилы вздулись.

– Не смей, – процедил он. – Не смей называть меня по имени.

Потом обернулся, и Серафима увидела его лицо. Бледное, осунувшееся, с тенями под глазами и плотно сжатыми губами. Взгляд был ледяным..абсолютный ноль.

– Ты сделала это нарочно, – слова падали свинцом, – Подсунула мне зелье. Заставила...

Она покачала головой. Хотела возразить, но горло перехватило.

– Я не заставляла тебя пить, – наконец выдавила ведьма.

Люк шагнул к ней. Навис над матрасом, упираясь кулаками в бока.

– Ты знала, что произойдет! Закон вашего проклятого рода! – он почти кричал. – Ты спланировала все это!

Серафима почувствовала, как внутри сжалось что-то маленькое и жалкое. Она хотела коснуться его руки, успокоить. Облегчить хотя бы на мгновение ту бурю, что бушевала в его голове. Рука потянулась вперед, пальцы почти дотянулись до его запястья.

Мужчина отшатнулся. Отпрыгнул так, словно она тянула к нему раскаленную кочергу.

– Не прикасайся ко мне! – голос сорвался на сип. – Это магическое насилие, ты слышишь? Насилие!

Слова хлестали как плети. Серафима отдернула руку, спрятала ладонь под простыню, она молча принимала каждый удар, каждый выпад. Что она могла сказать? Что она не просила его пить? Что сама была жертвой закона, который не прощал отсрочек?

Конечно, он не услышал бы. Сейчас для Люка она была лишь ведьмой, которая опоила его и заставила предать клятвы.

Мужчина отвернулся. Подобрал с пола ремень с ножнами, пряжка звякнула об дерево. Люк застегнул его на талии, а затем потянулся к куче одежды в углу. Оттуда он выудил суконный плащ и еще несколько элементов формы.

Серафима наблюдала за его спиной. Мышцы под лопатками ходили ходуном от напряжения. Шрамы от ударов плетью белели на фоне загорелой кожи. Когда Люк потянулся за кольцом, которое он снял, чтобы больше не поранить Серафиму, она увидела, как дрожат его фаланги.

Серебро блеснуло в сером свете рассвета. Люк с силой надавил кольцом на безымянный палец правой руки. Металл скользнул по фаланге, и в этот момент Серафима увидела.

Металл чернел. Прямо на глазах, от края к центру, серебро покрывалось патиной – темной, густой, словно на него капнули кислотой. Клеймо предателя Ордена... Магия настоя реагировала с печатью Инквизиции, и метка меняла цвет.

Люк тоже это заметил, палец дрогнул, лицо исказилось. Он быстро сжал кулак, пряча почерневшее кольцо в складках ладони.

– Это... – начал он.

Серафима встала с матраса. Простыня упала к ступням, и она потянулась за платьем, которое висело на спинке кресла из ротанга.

– Это значит, что Орден узнает, – тихо сказала она, накидывая ткань через голову, – Кольцо тебя выдаст.

Инквизитор застегнул плащ, пряча руки в складках ткани. Челюсть сжалась так, что зубы скрипнули.

– Я найду способ, – процедил он. – Я сниму это проклятие. И тогда...

– Тогда что? – ведьма посмотрела ему прямо в лицо. – Убьешь меня?

Тишина. Лишь скрип половиц под его весом.

– Я был бы рад, – наконец выдавил Люк. – Честно... Но теперь мы связаны...твоя смерть — моя смерть.

Вот оно... Горькое осознание, которое билось в ее мыслях как птица о прутья клетки. Она сохранила ему жизнь. Выполнила закон рода, но навсегда потеряла возможность быть понятой. Для него она осталась врагом, ведьмой, которая изнасиловала его волю магией.

Мужчина двинулся к двери подсобки. Обувь из кожи скрипела по половицам. На пороге он задержался. Спиной к ней, с прямой спиной и напряженными плечами.

– Элиас найдет пуговицу, – сказал он. – Кругляш с гербом, она осталась здесь прошлой ночью.

Серафима вздрогнула. Вспомнила — пуговица отлетела от формы Люка, когда он рванул ткань на груди.

– Я найду ее, – ответила ведьма.

Люк кивнул. Не оборачиваясь.

– Это ничего не изменит... Он уже подозревает...

С этими словами инквизитор вышел в коридор. Шаги затихли вдали, скрываясь за обломками стеллажей в лавке. Дубовая дверь скрипнула, впуская утренний сквозняк, а потом ударилась о косяк.

Серафима осталась одна. В комнате стоял запах мирры, пота и полыни, огарок свечи на полу давно погас, оплав воск застыл лужицей на досках. Матрас хранил вмятины от двух тел.

Ведьма потянулась и начала осматривать матрас и пол. Она на ощупь двигала рукой, ища потерянный предмет, но не нашла. Серафима потратила на поиски еще пол часа, но все было тщетно.

Через связь она чувствовала, как удаляется Люк. Его ярость била по нервам тупой волной, каждый шаг инквизитора по мостовым Рима отзывался болью в ее висках. Он ненавидел ее, больше, чем саму смерть. Больше, чем собственное падение.

И что теперь? Вопрос повис в воздухе без ответа.

Серафима поднялась с колен и обвела взглядом подсобку. Банки из стекла с корнями мандрагоры на полках. Разбросанные детали одежды, пятно крови на простыне, ошметки хлопка, оставшиеся от рубашки Люка.

Обломки... Обломки ее жизни, которой больше не существовало.

Она подошла к окну и отодвинула щеколду на ставнях, впуская утренний свет. Серый, безжалостный, без единого проблеска солнца. На улице хлынул дождь, и капли забарабанили по черепице крыши.

Ведьма прижалась лбом к стеклу, а потом закрыла глаза.

Ярость Люка пульсировала на краю сознания - как заноза под кожей, как ожог, который не заживает. Серафима чувствовала эту ненависть каждой клеткой тела.

И понимала — это навсегда.

Глава 11

Коридоры штаба Инквизиции встретили Люка каменным холодом. Подошвы форменных ботинок ступали по плитам из травертина, и каждый шаг отдавался в черепе глухим молотом. Стены из известняка пропитались запахом ладана и ржавчины от цепей, которые висели у входа в каждую камеру допросов. Факелы в нишах бросали желтые блики на пол, выхватывая из полумрака створки дверей из дуба, которые вели в залы службы. Люди в мантиях с нашивками Ордена проходили мимо, кивали, не замедляя шага. Никто не смотрел ему в глаза. Ну разумеется, они чувствовали... Звериное чутье на чужую беду, которое вырабатывается годами охоты на ведьм.

Правая рука пылала. Перчатка из воловьей кожи, которую он натянул еще на подходе к штабу, скрывала почерневшее серебро кольца. Однако ткань не спасала от жара, который разливался от пальца к запястью, поднимался выше, к локтю. Словно металл пытался прожечь кожу, добраться до кости, выжечь клеймо предателя изнутри. Люк сжал кулак, пытаясь заглушить боль. Не вышло... Жар лишь усилился, отдаваясь в висках тупой пульсацией.

Арсенал располагался в восточном крыле здания, где своды потолка опирались на колонны из мрамора. Стойки с мечами, алебардами и арбалетами выстроились вдоль стен в идеальном порядке, который требовал устав. Пылинки плавали в лучах света, который пробивался сквозь окна под самой крышей. Пахло здесь оружейным маслом и древесной стружкой, потому что мастер по клинкам всегда оставлял после себя мусор от ножен.

Люк подошел к стойке с тренировочными мечами. Пальцы левой руки сомкнулись на рукояти из ясеня. Вес привычный, баланс знакомый. Он сделал пару взмахов, проверяя хват, и почувствовал, как мышцы плеча отозвались болью от вчерашних ссадин. Конечно, он не спал двое суток. Тело требовало отдыха, но какая может быть речь об отдыхе, когда внутри тебя поселился чужой страх?

Именно страх. Резонанс с Серафимой не исчез после их ночи, он лишь затих, спрятался где-то в глубине груди, ожидая момента, чтобы ударить снова. Люк чувствовал её на краю сознания — тень, которая дышала в такт с ним, чье сердце билось в унисон с его собственным.

– Тессаро.

Голос позади, Люк даже не обернулся. Он узнал бы эти интонации из тысячи — бархатистый, с легкой хрипотцой, которая появлялась, когда Элиас издевался над жертвой.

– Брат Элиас, – ответил Люк, не поворачивая головы.

Шаги за спиной – тихие, кошачьи. Элиас всегда так ходил — подкрадывался, как хищник, который почуял слабинку в стаде.

– Ты выглядишь скверно, – сказал Элиас, останавливаясь рядом.

Люк наконец повернулся. Соперник стоял в двух шагах, скрестив руки на груди – форменный китель сидел на нем безупречно, ни единой складки, а нашивка с гербом Ордена — меч, пронзающий змею — поблескивала на груди.

– Долгая ночь, – бросил Люк.

– О да, – Элиас растянул губы в улыбке, которая не достигла глаз, – Я слышал, ты пропустил утреннюю молитву. И вечернюю тоже... Наставник спрашивал о тебе...

– Я был занят.

– Чем?

Элиас шагнул ближе – от него пахло сандалом и чем-то еще — кислым, еле уловимым. Запах чужой крови, которая засохла под ногтями после допроса.

– Проверка районов, – сказал Люк, – Рутинная работа.

– Рутинная?

Элиас наклонил голову, изучая его лицо.

– Странная формулировка для лучшего охотника Ордена. Ты же не занимаешься рутинной, Тессаро, ты — клинок в руке Инквизиции...оружие против скверны.

Люк стиснул зубы. Рукоять тренировочного меча скрипнула под пальцами.

– У каждого клинка бывает затупление.

– Затупление, – повторил Элиас, пробуя слово на вкус, – Интересный выбор термина, я бы сказал — загрязнение.

Он сделал еще один шаг. Теперь между ними оставалось не больше локтя.

– Ты пахнешь иначе, Тессаро. Знаешь об этом?

Люк не шевельнулся. Внутри все сжалось, но он заставил себя смотреть сопернику прямо в глаза.

– Я пахну потом и дорожной пылью. Как любой человек, который работал, пока ты молился в часовне.

– Может быть, – Элиас пожал плечами. – А может, и нет...я ведь нюхом чую, брат. Это у меня от матери, она была охотницей на лис в Умбрии. Так вот, от тебя несет не потом, от тебя несет горечью, травами. И чем-то еще, чему я не могу дать названия...

Люк почувствовал, как внутри него дрогнуло что-то чужое. Серафима, она услышала. Резонанс пробудился, потянулся невидимой нитью через пространство, соединяя его грудную клетку с той, которая находилась на другом конце города.

– Ты бредишь, – процедил Люк.

– Возможно, – Элиас улыбнулся шире. – Но я ведь еще заметил кое-что, Тессаро- твоя правая рука, ты прячешь её.

Взгляд соперника скользнул вниз, к перчатке из воловьей кожи, которая закрывала кисть до запястья.

– Рана, – сказал Люк, – Порезался при досмотре.

– Порезался, – эхом отозвался Элиас, – Как неудачно...и как удобно.

В этот момент резонанс вспыхнул.

Серафима почувствовала опасность — Люк понял это в ту же секунду. Ужас нахлынул на нее, холодный, парализующий, и этот ужас передался ему, ударив под дых, лишая воздуха. Она сидела в своем убежище, прижав колени к груди, и дрожала от предчувствия беды. Она знала, что за ним пришли. Знала, что его вот-вот разоблачат. И её страх стал его страхом, её паника — его паникой.

Рука дрогнула. Пальцы разжались сами собой, выпуская рукоять, тренировочный клинок с грохотом ударился о каменные плиты пола. Звон ясеня и стали эхом разнесся по арсеналу, отражаясь от колонн и сводов.

Тишина. Люк смотрел на меч у своих ног, а Элиас смотрел на него.

Потом соперник медленно наклонился и поднял клинок. Выпрямился, вертя рукоять в пальцах с той же улыбкой, которая теперь стала торжествующей.

– Неосторожно, – произнес Элиас. – Ты никогда не ронял оружия, Тессаро. Никогда за десять лет, что я тебя знаю.

Люк сглотнул. В горле стоял ком чужого страха, который мешал дышать.

– У всех бывает первый раз.

– Верно, – кивнул Элиас. – Первый раз- именно так и говорится, когда человек совершает то, чего никогда не делал прежде.

Он шагнул ближе, и Люк почувствовал, как от соперника исходит запах чужого торжества. Элиас еще не видел кольца — перчатка скрывала почерневшее серебро. Но он уже чувствовал инстинкт подсказывал ему, что добыча ранена, что нужно лишь немного надавить, и она сама упадет в лапы.

– Ты изменился, Тессаро, – сказал Элиас, водя клинком по воздуху. – Я помню тебя другим- холодным, точным, человеком, который приходит в лавку к ведьме и выходит оттуда с чистыми руками. А теперь...

Он замолчал, позволяя тишине повиснуть между ними.

– А теперь что? – спросил Люк.

– А теперь ты приходишь в штаб с чужим запахом на плаще. Роняешь меч, прячешь руку. – Элиас понизил голос. – Это признаки загрязнения, брат, ты ведь знаешь, как Орден поступает с теми, кто подвергся загрязнению?

Люк знал- это были допросы, щипцы, серебряные иглы под ногти. А потом — очищение огнем, если вина доказана.

– Я чист, – произнес он.

– Правда?

Элиас шагнул еще ближе. Их лица оказались на одном уровне.

– Докажи.

– Как?

– Сними перчатку.

Серафима вскрикнула на другом конце связи. Люк почувствовал этот крик — беззвучный, запертый в её горле, который отозвался в его груди судорогой. Она умоляла его не делать этого, она знала, что увидит Элиас, если перчатка упадет.

Люк посмотрел на свою правую руку. Пальцы под кожей горели, кольцо пульсировало, словно живое существо, которое требовало выйти на свет.

– Здесь холодно, – сказал он. – Я заболел после ночного дежурства, а перчатка защищает от сквозняка.

– Сквозняка, – Элиас рассмеялся. Звук был коротким, лающим, – В арсенале, где нет окон? Ты забываешь, с кем говоришь, Тессаро.

Люк не отвел взгляда.

– Я ничего не забываю.

– Вот как? – Элиас покрутил тренировочный меч в руке, – Тогда, может, напомнишь мне, где ты провел прошлую ночь? И позапрошлую тоже?

– На задании.

– На каком?

– Это не твое дело, Элиас.

Соперник прищурился. Улыбка исчезла с его лица, уступив место холодной настороженности.

– Всё, что касается братьев Ордена — мое дело, – произнес он, – Особенно когда один из братьев начинает пахнуть ведьмой.

Серафима снова охватил ужас. Люк почувствовал, как её сердце заколотилось в бешеном ритме, как холод сковал её конечности. Она стояла у окна своего убежища, прижавшись лбом к стеклу, и смотрела на улицу, где Инквизиции проходил мимо её лавки. Она боялась за себя...и за него.

И этот страх передался Люку, заставив его руки задрожать.

Элиас увидел.

– Дрожишь, Тессаро? – спросил он с нажимом, – Почему?

– Я устал.

– Устал. – Элиас повторил слово, как приговор, – Да, ты выглядишь уставшим, осунувшимся, поблекшим. Словно из тебя выкачали жизнь.

Он шагнул назад, переводя взгляд с лица Люка на его спрятанную руку.

– Ты знаешь, что делают ведьмы, когда хотят подчинить себе мужчину? Они выкачивают из него силу. Постепенно, ночь за ночью, пока от него не останется лишь оболочка.

Люк стиснул челюсти.

– Ты несешь чушь.

– Возможно, – Элиас пожал плечами. – А возможно, я просто описываю то, что вижу. Человека, который пришел в штаб с меткой на руке и чужим страхом в глазах.

Он протянул Люку тренировочный меч рукоятью вперед.

– Возьми, – сказал Элиас, – Покажи мне, что ты всё еще тот Тессаро, которого я знаю. Что ты не сломался.

Люк посмотрел на клинок, а потом на лицо соперника. Элиас ждал, улыбка вернулась на его губы — хищная, предвкушающая. Он знал, что Люк не сможет взять меч правой рукой, не сможет снять перчатку, не сможет доказать свою невиновность.

Потому что виновности не нужно было доказывать. Она была написана на каждом дюйме его кожи, которую скрывала ткань.

Люк протянул левую руку и взял клинок. Элиас вскинул брови.

–левой? Вот как ты теперь работаешь?

– Я сказал — я порезал правую, – процедил Люк. – Если тебе так хочется, можешь проверить записи о моем последнем задании. Там указано, где и когда.

– Укажу, – кивнул Элиас. – Обязательно укажу, но записи — это бумага, Тессаро... А меня интересует кровь...

Он отступил на шаг, не сводя глаз с почерневшей перчатки.

– Кровь не обманывает, – добавил Элиас, – В отличие от слов...

Люк не ответил, внутри него бился чужой пульс, чужое сердце, чужой страх. Серафима стояла у окна, и слезы текли по её щекам, хотя она не издала ни звука. Она знала, что Элиас подобрался слишком близко, знала, что кольцо на руке Люка — это приговор, который приведут в исполнение, как только правду обнаружат.

И она молила его бежать, хотя понимала, что бежать некуда. Элиас развернулся и пошел к выходу из арсенала, но у самых дверей он обернулся.

– Кстати, Тессаро, – бросил он через плечо, – Наставник хочет видеть тебя сегодня вечером, в его кабинете...он просил передать.

Люк кивнул.

– Я буду.

– Конечно, будешь, – Элиас улыбнулся в последний раз, – Ведь у тебя нет выбора, правда?

Он ушел, оставив Люка одного среди стоек с оружием и запаха чужого торжества.

Люк стоял неподвижно, глядя на свою правую руку. Под кожей перчатки серебро продолжало пульсировать жаром. Кольцо жгло, напоминало о том, что он больше не принадлежит себе.

На другом конце связи Серафима беззвучно плакала, а он не мог её утешить. Потому что утешение — это тоже форма слабости. А слабость- это смерть.

Глава 12

Лестница в подземелья вела вниз по спирали из грубого известняка. Ступени были стертые посередине, где поколения инквизиторов спускались к камерам допросов. Люк шел в строю из трех человек. Брат Маркус шел впереди, его плащ из шерсти развевался на поворотах, брат Томазо сзади нес железный ящик с инструментами, которые звенели при каждом шаге. Воздух становился гуще с каждым витком. Запах сырости смешивался с ароматом гашеной извести и чего-то еще — медленной порчи, которая поднималась из глубины.

Тессаро держал правую руку прижатой к боку. Перчатка из воловьей кожи все еще скрывала кольцо, но жар от почерневшего серебра пробивался сквозь кожу, пульсируя в такт шагам. Он пытался сосредоточиться на плитах под ногами, на звуке своих ботинок по камню. Однако внутри него уже шевелилось что-то чужое. Серафима. Она не спала... Через резонанс приходило смутное ощущение бодрствования — напряжение в мышцах шеи, учащенный пульс где-то в основании горла. Она сидела в своей лавке, служащей ей убежищем, и ждала. Ждала, чем закончится его день, и этот ожидающий страх полз по его нервам, как холодная вода.

– Сегодняшняя рыбачка, – сказал Маркус, не оборачиваясь. Его голос гулко отразился от стен. – Девчонка из порта, ловила крабов в запретные дни. Соседи донесли, что у нее в хижине нашли куклы из морской травы.

– Куклы, – повторил Томазо сзади. В его голосе звучало привычное презрение, – Значит, гадала на удачу. Или на погоду... все это мелочь

– Мелочь, которая приводит к бурям, – отрезал Маркус, – Наставник приказал провести чистый допрос. Без повреждений, она еще может указать на других.

Люк молчал. Его челюсть свело от напряжения, он знал процедуру. «Чистый допрос» означал серебряные оковы. Инструмент для подавления воли, который не оставлял следов на коже, но выжигал магию из костей. Для обычного человека это было бы просто холодное железо, но для мага – пытка, сравнимая с опусканием в кипящее масло.

Они вышли в коридор, где потолок опустился так низко, что Маркусу пришлось пригнуться. Стенные факелы здесь горели желтым, коптящим пламенем. Двери в камеры были из дуба, окованного полосами железа, у третьей двери стоял часовой. Он кивнул, отодвинул засов, который скрипнул, как крик птицы.

Камера оказалась круглой, вырубленной в скале. Посередине стоял стол из темного дерева, прикованный к полу цепями, на столе лежали предметы – гиря из свинца, моток веревки из пеньки, шкатулка из черного дерева с инкрустацией из перламутра. У дальней стены, на табурете, сидела девушка. Ей на вид было лет шестнадцать. волосы цвета морской воды, спутанные, падали на плечи. Платье из грубого полотна было мокрым по краям, словно его недавно вытащили из моря, руки были сложены на коленях. Она не плакала, просто смотрела на свои пальцы, которые были испачканы илом.

– Встать, – приказал Маркус.

Девушка подняла голову, её глаза были слишком большими для этого лица. Зеленые, как водоросли в заливе, в них не было страха, было лишь пустое недоумение, которое хуже любого ужаса.

– Я ничего не делала, – сказала она тихо. Голос сорванный, хриплый от соленой воды или криков.

– Встать, – повторил Маркус.

Она медленно поднялась, ноги дрожали. Томазо отставил железный ящик на пол, открыл крышку, внутри, на бархатной подкладке, лежали браслеты. Они были сделаны из сплава, который называли «лунным серебром» – бледного, матового, с голубоватым отливом. Поверхность украшена рунами подавления, которые выглядели как просто завитки для непосвященного.

Люк сделал шаг назад, его спина уперлась в холодную стену. В груди что-то дрогнуло-Серафима, она почувствовала серебро, даже на расстоянии, через него, через эту проклятую связь, которая тянулась, как струна. Он ощутил, как её дыхание перехватило, как по её коже пробежали мурашки. Серафима вскочила с места в своем убежище, ударилась коленом о стол, боль от удара – острая, яркая – пронзила его собственную коленную чашечку. Он сдержал стон, стиснув зубы.

– Держи её, – сказал Маркус Томазо.

Томазо подошел к девушке, взял её за локоть. Его пальцы впились в кожу, и девушка вздрогнула, но не сопротивлялась. Она смотрела на браслеты, которые Маркус вынимал из ящика, её губы шевелились, словно она читала молитву, которую забыла.

– Это всего лишь формальность, – произнес Маркус, обращаясь к ней, но глядя на Люка, – Если ты чиста, металл останется холодным. Если нет... он поможет тебе вспомнить правду.

Он подошел к ней с первым браслетом, а девушка зажмурилась. И в тот момент, когда «лунное серебро» коснулось её запястья, резонанс ударил Люка с такой силой, что у него потемнело в глазах.

Это было не просто ощущение, была физическая реальность. Его собственное запястье вспыхнуло, кожа под перчаткой загорелась, будто её прижали к раскаленной плите. Боль – острая, жгучая, с примесью чего-то чужого, металлического – взметнулась по руке до самого плеча. Он задрожал- каждый мускул свело судорогой, в легких не осталось воздуха. Он пытался вдохнуть, но грудная клетка не слушалась, сжатая невидимыми тисками, а перед глазами поплыли пятна.

Через связь хлынул поток. Не его страх, это был страх девушки. Чужой, молодой, животный ужас перед холодом, который проникал под кожу, добирался до костей, выжигал изнутри каждую крупицу тепла. И поверх этого – яростная, отчаянная боль Серафимы. Она чувствовала это, чувствовала каждую секунду, её собственное тело, которое когда-то носило такие же оковы во время «Очистки», теперь вспоминало. И эти воспоминания, как раскаленные иглы, вонзались в Люка.

Он услышал хрип, свой собственный. Горло сжалось, выдавив звук.

Маркус застегнул первый браслет, щелчок замка прозвучал, как выстрел. Девушка застонала- негромко, словно воздух выходил из проколотого меха.

– Тессаро? – голос Томазо, он посмотрел на Люка через плечо, – Ты в порядке?

Люк попытался кивнуть, но не вышло, голова была тяжелой, как гиря. Он видел, как Маркус берет второй браслет, как пальцы брата смыкаются на лодыжке девушки. И снова – удар... На этот раз в ногу, в его собственную лодыжку, которая загорелась, будто её облили кислотой. Он почувствовал, как холодный металл впиивается в кожу, как он тянется к кости, чтобы сдавить её, остановить поток крови, который нес в себе магию.

Серафима закричала. Беззвучно, её крик раздался у него в голове – высокий, разрывающий, полный такой ненависти к серебру, которая обожгла его изнутри. Она билась в своем убежище, он чувствовал удары её кулаков о стену. Каждый удар отдавался в его собственных костяшках.

– Люк? – теперь уже Маркус обернулся, его брови сошлись. – Ты бледный. Как мел...

– Ничего, – выдохнул Люк. Слово вышло хриплым, сломанным, – Просто... душно.

– Душно, – повторил Маркус. Его взгляд скользнул по Люку, задержался на дрожащих руках, – Томазо, открой решетку.

В стене под потолком была узкая щель, забранная железными прутьями, оттуда шел поток воздуха с поверхности. Томазо потянул за рычаг, прутья раздвинулись с скрежетом, в камеру ворвалась струя холодного ветра. Он принес запах дождя и мокрой земли.

Но это не помогло, потому что боль не прекращалась. Она пульсировала волнами- от запястий, от лодыжек. С каждой пульсацией в груди Люка сжималось что-то чужое, малень-

кое, беспомощное. Девушка...её магия была слабой, как искорка в мокрых дровах. Но серебро находило её, высасывало, и с каждым глотком он чувствовал, как её сознание тускнеет, как зеленые глаза заволакиваются пеленой.

– Она не выдержит, – прошептал Люк. Сам не понял, что сказал.

– Что? – Маркус нахмурился.

– Она... она слишком слаба. Оковы убьют её, прежде чем она что-то скажет.

Маркус медленно выпрямился. Второй браслет шелкнул на лодыжке девушки, она больше не стонала. Просто стояла, покачиваясь, глаза остекленели.

– Процедура предписана, – сказал Маркус ровно. – Если она чиста, ничего не случится, если нет – её воля сломается, и мы получим имена. Так всегда работало.

– Но... – Люк попытался сделать шаг вперед. Нога не слушалась, она горела. Он чувствовал вес металла, который давил на кость. Это был не его вес, это был вес её оков. И вес воспоминаний Серафимы, которые давили на него сверху, как пласт сырой глины.

– Ты выглядишь больным, Тессаро, – заметил Томазо. Он все еще держал девушку за локоть, но его взгляд был прикован к Люку. – Может, тебе выйти? Мы справимся вдвоем.

Нет...он не мог выйти. Потому что, если он выйдет, связь не прервется, он все равно будет чувствовать каждую секунду. И Серафима тоже, она умрет..умрет от этой чужой боли, которая напомнила ей её собственную. А если она умрет... мысль ударила, как молот...если она умрет, он последует за ней, не потому что хочет. Потому что магия настоя связет их сердца в последнем судорожном толчке.

Маркус взял третий браслет. Для второй лодыжки, и Люк не выдержал.

– Прекратите, – сказал он. Голос прозвучал громче, чем он планировал. Резко и командно.

Рука Маркуса замерла в воздухе, Томазо повернул голову, даже девушка, казалось, вышла из ступора. Её зеленые глаза нашли Люка.

– Что ты сказал? – спросил Маркус. В его голосе не было гнева, было ледяное удивление.

– Я сказал, прекратите, – повторил Люк. Он оттолкнулся от стены, сделал шаг, нога все еще горела, но он заставил её двигаться, – Этот допрос не соответствует ритуальной чистоте.

Тишина в камере стала плотной, как вода в колоде. Только ветер из решетки шелестел, принося капли дождя.

– Объясни, – потребовал Маркус. Он опустил браслет, и металл глухо стукнул о дерево стола.

Люк искал слова. Его разум, обученный годами службы, лихорадочно перебирал уставные формулировки. Но всё, что он чувствовал, – это жжение в запястьях и беззвучный крик Серафимы, который разрывал его изнутри.

– Часовой у двери, – начал он, цепляясь за первую мысль. – Он не совершил очистительной молитвы перед тем, как впустить нас. Я видел...он просто отодвинул засов.

Маркус перевел взгляд на Томазо. Тот пожал плечами.

– И что? – спросил Маркус. – Это техническое нарушение, но не причина останавливать процедуру.

– Ритуальная чистота – основа любого допроса, – настаивал Люк. Он слышал, как его голос звучит натянуто, почти истерично. Но остановиться не мог, – Если цепочка очищения прервана, показания могут быть искажены. Магия... магия лжет, когда ритуал не соблюден. Устав, раздел седьмой, параграф третий.

Он процитировал на автомате, эти слова зубрили каждого новобранца. Маркус знал их так же хорошо, его лицо оставалось неподвижным, но в глазах что-то изменилось- подозрение. Оно появилось там, где раньше было просто раздражение.

– Ты стал очень щепетилен к уставу, Тессаро, – произнес Маркус медленно. – Особенно для человека, который пропустил две молитвы подряд.

Люк почувствовал, как по спине пробежал холод- это была ошибка.. Он привлек внимание к себе, а не к процедуре, и теперь Маркус смотрел на него так, как смотрел бы на загрязненный клинок, который нужно выбросить.

– Я указываю на нарушение, – сказал Люк, пытаясь вернуть твердость в голос. – Как старший по чину в этой камере, я требую прекратить допрос до исправления процедуры.

Он был старше Маркуса на два дня по сроку службы. Формально – да, его слово имело вес, но в подземельях Инквизиции формальности часто разбивались о железную волю палача.

Маркус не спеша положил браслет обратно в ящик и закрыл крышку. Звук замка прозвучал окончательно.

– Хорошо, – сказал он. – Как старший, ты несешь ответственность. Но учти, Тессаро, наставник ждет отчет по этой девушке к вечеру, если она не даст имен, вина ляжет на тебя. Ты понимаешь?

Люк кивнул. Голова была тяжелой.

– Сними с неё оковы, – приказал он Томазо.

Томазо посмотрел на Маркуса и тот молча кивнул. Томазо вздохнул, достал ключ из кармана, наклонился к лодыжке девушки. Щелчок замка и браслет упал на каменный пол с глухим стуком.

И в тот же миг боль в ноге Люка исчезла. Так внезапно, что он едва не пошатнулся, запястье еще горело, но уже тупее, как отходящий ожог. Воздух хлынул в легкие, он сделал глубокий, дрожащий вдох.

На другом конце связи Серафима рухнула на пол. Он почувствовал это – внезапную слабость в коленях, удар локтем о дерево. Потом тишину, но не мирную, изможденную, как после долгого боя.

Маркус подошел к Люку вплотную. Их лица разделяло лишь несколько дюймов.

– Ты бледен, что все в порядке? – спросил он тихо, так, чтобы Томазо не услышал. – Ты дрожишь... И глаза... в них что-то не так.

– Усталость, – пробормотал Люк. – И эта лихорадка, которая не проходит.

– Лихорадка, – повторил Маркус. Он посмотрел на правую руку Люка, на перчатку, которая все еще скрывала кисть. – Может, тебе показаться лекарям? Они проверят, нет ли у тебя заражения.

– Нет необходимости, – отрезал Люк. – Я справлюсь.

Маркус отступил. Его взгляд еще несколько секунд висел на Люке, потом он развернулся к девушке.

– Уведи её обратно в камеру, без оков. Доложи наставнику, что допрос прерван по инициативе брата Тессаро, и мы ждем дальнейших указаний.

Томазо взял девушку под руку, повел к двери. Она шла, пошатываясь, не оглядываясь, её зеленые глаза были пусты.

Когда дверь захлопнулась, в камере остались только они двое. Маркус и Люк. Тишина снова сгустилась, но теперь в ней плавали невысказанные вопросы.

– Я помню, как ты вел допрос ведьмы-отступницы три года назад, – внезапно сказал Маркус. Он не смотрел на Люка, смотрел на стол, на отпечатки пальцев на пыльном дереве. – Та, что наводила морок на целые деревни. Ты тогда использовал оковы с первого же часа, и не моргнул глазом, когда она начала кричать.

Люк молчал.

– А сегодня ты дрожишь от вида браслетов на какой-то рыбачке, – продолжил Маркус. Он наконец поднял глаза, в них не было злобы, было что-то вроде сожаления. – Что-то изменилось в тебе, брат, и это что-то пахнет не болезнью...

– Я сделал то, что требовал устав, – сказал Люк. – Ничего больше..

– Возможно, – Маркус повернулся к двери. У порога он остановился. – Но учти, Тессаро, в подземельях нет места сомнениям- ты или палач, или жертва, третьего не дано.

Он вышел, а дверь осталась открытой. Люк стоял один в круглой камере, в етер из решетки дул ему в спину, неся запах дождя. Он поднял правую руку, посмотрел на перчатку- под кожей кольцо пульсировало. Тепло, которое оно излучало, теперь казалось насмешкой, он спас девушку от пытки. Но зачем? Из-за резонанса? Из-за боли, которую чувствовал через Серафиму?

Он осознал это теперь, стоя в тишине. Его природа изменилась, необратимо- роль палача, которую он носил десять лет, теперь отторгалась его собственным телом. Оно больше не могло терпеть вид серебра на чужой коже, потому что это серебро жгло и его, потому что чужая боль стала его болью.

И это было страшнее, чем любое обвинение Элиаса. Потому что обвинения можно отрицать, а измену собственной природе скрыть невозможно.

Он вышел в коридор. Часовой у двери смотрел на него без выражения, Люк прошел мимо, начал подниматься по лестнице. Каждый шаг отдавался в его черепе, но теперь это был не только физический вес, это был вес осознания.

Он совершил ошибку- явную, грубую, и Маркус доложит, Томазо доложит. Наставник узнает, а Элиас уже ждал этого...ждал, чтобы использовать.

На другом конце связи Серафима лежала на полу своего убежища. Он чувствовал её дыхание – поверхностное, прерывистое. Она была жива, но в этой жизни теперь было что-то хрупкое, как тонкий лед на луже, ион знал, что следующий удар может разбить его.

А следующий удар уже приближался. Он чувствовал это в холодном взгляде часового, в тишине коридоров, в самом воздухе штаба, который теперь казался ему враждебным. Он больше не был своим среди этих стен, а был чужим, который носил их форму, и это клеймо было хуже любого почерневшего серебра на руке.

Глава 13

Зал капитулов вмещал полсотни человек. Под потолком на цепях висели люстры из чугуна, а на стенах соседствовали распятия из черного дерева и карты Рима эпохи Возрождения. Сейчас там стоял строй оперативников в форме из сукна, и Люк находился в третьем ряду, прямо между братьями Карло и Сильвио. Воздух пах ладаном и потом.

Наставник читал свод нарушений за неделю, голос старика стучал по нервам, как молот по наковальне. Доложили о трех случаях применения магии в районе Трастевере. Патруль задержал двух Скрытых, третий успел выпить настой из женишеня и умер на месте, успев превратить себя в столб пламени.

Люк слушал вполуха. Его внимание было приковано к пустому месту в первом ряду, где обычно стоял Элиас. Соперник не явился на доклад, это могло означать что угодно — от приступа мигрени до внезапной проверки осведомителей. Но интуиция твердила о другом.

В груди ныло. Не боль, скорее — тугой узел, который появился там после прошлой ночи. Связь с Серафимой работала фоном, как радиоприемник на минимальной громкости. Он чувствовал ее присутствие на краю сознания — тревогу и ожидание.

И вдруг — удар. Люк вздрогнул так, что Карло бросил на него косой взгляд, узел в груди взорвался ледяной крошкой. Это был не физический спазм, нет, это был чужой ужас, который ворвался в его нервы, как вода в пробоину.

Серафима.

Он видел ее глазами. Размытые контуры собственной лавки, дверь, которая вылетела внутрь. Силуэты в серых плащах, которые хлынули в проем, как вода в тонущий корабль. Элиас шел первым, а в руке — клинок из стали с гравировкой.

– Всем стоять! Руки на стену!

Голос инквизитора достиг Люка через резонанс, искаженный и глухой, будто он звучал из-под воды. Зато ужас Серафимы был кристально чистым, она стояла у прилавка, прижимая к себе банку с корнями мандрагоны. Пальцы дрожали, и воздух в лавке стал густым от запаха полыни и страха. Она еще не отошла после потрясения с допросом, а сейчас ее лавку снова громят.

Наставник продолжал читать свод, братья в строю слушали, переминаясь с ноги на ногу. Никто не заметил, как Люк сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, никто не видел, как побелели его костяшки.

А он видел как Элиас движется по лавке, как дикий зверь, который учуял добычу, как инквизитор срывает полки, разбивает реторты ногой. Как осколки стекла летят на пол, вперемешку с сушеной белладонной и порошком из костей.

– Он был у тебя, ведьма? – Элиас схватил Серафиму за горло. – Тессаро?

Люк почувствовал чужие пальцы на своей шее, не метафорически — буквально. Давление на трахею, отсутствие воздуха, панику, которая поднималась из чужого живота в чужое горло.

Он заставил себя дышать. Вдох- выдох. Карло опять посмотрел на него, теперь уже с подозрением, Люк лишь отвел взгляд, уставившись в затылок Сильвио.

Наставник перешел к следующему пункту — обнаружению тайника с алхимической солью в районе Тибра. Говорил о предательстве, о наказании, о том, что Орден не прощает слабости.

Слова проходили мимо сознания Люка. Он был там, в лавке, чувствовал, как Элиас толкает Серафиму к стене. Как ее спина ударяется о кирпичную кладку, как по позвоночнику растекается боль, которая отзывалась в его собственном хребте.

– Я не знаю, о чем вы, – голос Серафимы доносился как шепот.

Она лгала. И Люк знал это, потому что чувствовал ее пульс — частый, как крылья пойманной птицы.

Элиас тоже это знал. Он выпустил ее горло, сделал шаг назад, а потом улыбнулся — хищно, по-волчьи.

– Не знаешь? – он провел пальцем по краю прилавка, – А это что?

Его рука скользнула за стойку, туда, где Серафима прятала мешочек с Sal Lunae. Но он не интересовался солью. Он искал другое.

– Обыскать жилые комнаты, – бросил он через плечо. – Перевернуть все, каждый угол!

Двое братьев кивнули и двинулись к двери в подсобку. К той самой двери, за которой стоял матрас с вмятинами от двух тел.

Ужас Серафимы ударил новой волной. Теперь в нем было что-то еще — не просто страх за себя, страх за него. Она знала, что они найдут, она пыталась найти улику, но не успела.

Люк стоял в строю, чувствуя, как рушится его жизнь. Наставник говорил о дисциплине, а его братья слушали, а он видел, как инквизиторы вламываются в подсобку, как ботинки из кожи топчут ошметки его рубашки на полу. Как чьи-то пальцы шарят по полу, и под матрасом.

Момент находки он почувствовал первым.

Это было как удар под дых. Торжество Элиана ворвалось в сознание, заполняя все пространство. Чистая, концентрированная радость хищника, который загнал добычу. Люк пошатнулся, так что Карло схватил его за локоть.

– Ты в порядке?

– Да, – выдавил Люк. – Голова закружилась... Плохо спал.

Карло хмыкнул, но отвернулся. В строю не принято было задавать лишние вопросы.

А в лавке Элиас поднимал с пола кругляш серебра. Пуговица с гербом — меч, пронзающий змею — лежала на его ладони — прямая улика, доказательство того, что оперативник Инквизиции провел ночь в логове ведьмы.

– Ну что же, – голос Элиаса сочился ядом. – Похоже, кто-то из наших братьев забыл о клятве.

Серафима молчала. Но Люк чувствовал ее отчаяние — темное, бездонное, как колодец. Она винила себя, думала, что не смогла спрятать улику, думала, что подвела его.

Подвела? Она? Горький смех поднялся изнутри. Это он пришел в ее лавку, он выпил настой, он предал Орден, а она просто пыталась выжить, как и он.

Наставник закончил читать свод. Строй начал расходиться, братья двигались к выходу, переговариваясь о пустяках — о завтраке, о погоде, о назначении на новые посты. Люк остался на месте, не в силах сделать шаг.

Через связь он видел, как Элиас прячет пуговицу в карман плаща, как инквизитор обращается к Серафиме, которая стояла у стены, прижимая руки к груди.

– Ты арестована, ведьма, – сказал он. – За сокрытие улик и пособничество предателю.

– Я не... – начала она.

Элиас ударил ее. Тыльной стороной ладони по скуле — голова Серафимы дернулась в сторону, на губах выступила кровь.

Боль прошла Люка от виска до челюсти. Он схватился за лицо, едва не вскрикнув, Карло уже ушел, Сильвио тоже. В зале оставалось лишь несколько братьев, которые не обратили на него внимания.

– Отвезти ее в штаб! – распорядился Элиас. – Кинуть в камеру! Я займусь ею после доклада.

Нет! Люк стиснул зубы, не после доклада, он не позволит Элиасу дотронуться до нее снова, не позволит ему использовать методы допроса, которые Орден применял к Скрытым — методы, которые ломали волю и выжигали разум.

Но что он мог сделать? Одной пуговицы хватит, чтобы отправить его на костер. А теперь у Элиаса была и Серафима — живая свидетельница, которая под пыткой подтвердит любую версию.

Люк медленно двинулся к выходу из зала. Ноги казались чугунными, в груди горело — не от настоя, а от чужого страха, который пропитал каждую клетку.

Тессаро остановился на пороге, и посмотрел на свою руку- кольцо на безымянном пальце почернело еще больше, паутина расплзлась от края к центру, словно зараза, которая пожирала серебро изнутри.

Клеймо предателя. Ну что ж, он и был предателем, человеком, который переспал с ведьмой и теперь чувствовал ее боль как свою собственную, человеком, чья тайна лежала в кармане у врага.

Люк вышел в коридор. Холодный камень стен дышал сыростью, а где-то далеко звонил колокол — созывал братьев на утреннюю молитву.

А в его сознании пульсировал чужой ужас. Серафиму уводили из лавки, она спотыкалась на ступенях, а инквизиторы толкали ее в спину, Элиас шел позади, сжимая в кармане пуговицу с гербом.

Игра была окончена, Люк это понимал. Теперь у него не оставалось выхода — только действовать или умереть. И пусть он ненавидел эту женщину за то, что она сделала с ним, — тело помнило ее тепло, кожу, дыхание..связь не отпускала.

Он двинулся вперед, не оглядываясь.

Глава 14

Арсенал выглядел неприступной крепостью, где своды из базальта давили на плечи, а воздух пах ржавчиной и машинным маслом. Люк пришел туда после общего собрания, и теперь сидел на табурете у верстака, сжимая в пальцах клинок из толедской стали. Здесь было спокойно и безлюдно, что ему сейчас и нужно было. Ему необходимо было побыть одному.

Лезвие уже блестело от нанесённого состава из песка и оливкового масла, однако руки продолжали двигаться сами, затирая несуществующие пятна на голомени. Ему нужно было чем-то занять пальцы, иначе они бы тряслись.

Тишина подземелья нарушалась лишь скрежетом точильного камня в дальнем углу, где брат Сильвио разводил затворы на арбалетах. Тусклый свет из лампад на базе из железа ложился на стены теньями, которые ползли по полкам с алебардами и арбалетными болтами. Люк смотрел на лезвие, но видел другое — закрытую дверь камеры, Серафиму, которая стояла у стены из бетона, прижимая ладони к груди.

Связь работала фоном. Тревога, которая просачивалась из её сознания в его, как вода сквозь трещины в дамбе. Люк чувствовал её страх — тусклый, но постоянный, как гул трансформатора в подвале.

Шаги за спиной. Он услышал их раньше, чем увидел владельца. Подошвы из кожи на плитах из базальта, ровный, размеренный ритм человека, который никуда не торопится. Элиас.

Люк не обернулся. Продолжил водить тряпкой по клинку, хотя руки хотели сжаться в кулаки.

– Тессаро, – голос Элиаса прозвучал откуда-то сзади и слева.

Инквизитор обошёл верстак, встал напротив. Люк поднял взгляд, Элиас выглядел как обычно — серый плащ застёгнут у горла, лицо невыразительное, как стена из цемента. Только глаза выдавали его — в них плясали искры торжества.

– Элиас, – Люк кивнул, не выпуская клинок из рук.

Тот прислонился к верстаку напротив, скрестив руки на груди. В пальцах правой ладони что-то поблёскивало серебром, поймавшее свет лампы.

Пуговица. Кругляш с гербом — меч, пронзающий змею. Та самая деталь формы, которая отлетела в подсобке лавки прошлой ночью. Люк узнал бы её из тысячи, сердце ударило в рёбра, но он не позволил лицу дёрнуться. Лишь сжал рукоять меча крепче.

– Странная штука, – Элиас подбросил пуговицу на ладони, поймал. – Нашёл сегодня в лавке одной ведьмы. Представляешь?

Люк не ответил. Он смотрел, как серебро катается по фалангам Элиаса, как оно ловит блики. В горле встал ком.

– Я тут подумал, – продолжил Элиас, разглядывая пуговицу, словно видел её впервые. – Может, ты мне поможешь? Как брат брату.

Вот оно. Люк ждал этого удара, знал, что он придёт, но всё равно не был готов.

– С чем именно? – голос прозвучал ровно. Почти.

Элиас улыбнулся. Улыбка вышла кривой, как трещина в стекле.

– С ведьмой, разумеется. Фарина — её фамилия, если ты забыл. Она упряма, как осёл... Не хочет говорить — ни слова о том, кто был у неё этой ночью.

Он сделал паузу, словно ожидая реакции. Люк не шелохнулся, лишь продолжал смотреть на лезвие в своих руках.

– Я планирую допрос сегодня ночью, – Элиас понизил голос, словно делился секретом. – И мне нужен твой совет... Ты же знаешь этих тварей лучше, чем кто-либо в Ордене.

Знал ли? Да, пожалуй. Он знал её кожу. Запах полыни от её волос, то, как она сжимает простыню, когда...

Связь полоснула по нервам. Удар из ниоткуда, волна тошноты, которая поднялась из желудка к горлу, Люк сглотнул, пытаясь подавить рвотный рефлекс. Это был не его страх, это был её ужас, который ворвался в его сознание, как вода в пробоину.

Серафима чувствовала приближение угрозы. Где-то там, в камере из бетона под землёй, она знала, что за ней придут, знала, что ночь принесёт боль.

– Так что скажешь? – Элиас смотрел на него в упор, – Какие методы работают лучше всего?

Люк опустил клинок на верстак. Пальцы разжались с трудом, словно принадлежали чужому человеку, он заставил себя поднять взгляд на Элиаса.

– Зависит от того, что ты хочешь узнать, – ответил он, и каждое слово давалось с трудом.

– Правду, – Элиас пожал плечами. – Кто приходил к ней? Кого она укрывает? Стандартный набор.

Он снова подбросил пуговицу. Серебро описало дугу в воздухе, упало на ладонь с тихим звоном.

– Я слышал, – Элиас понизил голос, – Что иглы под ногти работают отлично. Особенно если вводить их медленно. Один миллиметр за секунду... Говорят, крики слышны даже через стены камер.

В груди Люка вспыхнуло. Не гнев — нет. Что-то более тёмное, более первобытное. Он представил, как чьи-то пальцы сжимают запястья Серафимы, как сталь входит под её ногти, разрывая плоть, как она кричит...

Связь взорвалась болью. Он почувствовал её спазм — она тоже представила это. Ужас накрыл её волной, и этот ужас перелился в него, наполняя лёгкие льдом.

– Ещё, – Элиас сделал шаг ближе, – Я слышал о методе, который называется «кресло истины». Привязывают к стулу из железа и подают ток через контакты на висках. Не смертельно, но...

Он замолчал, наблюдая за лицом Люка.

– Но боль такая, что хочется вырвать себе глаза. Интересно, правда?

Люк не ответил, он не мог. Горло сжалось, не пропуская воздух, пальцы снова потянулись к рукояти меча, сжимая дерево так, что костяшки побелели.

– Ты в порядке, Тессаро? – в голосе Элиаса прозвучала издёвка. – Побледнел.

– Голова, – выдавил Люк. – Мигрень.

– Ах да, – Элиас кивнул с притворным сочувствием. – Ты же не спал этой ночью. Лихорадка...и рука.

Он знал. Конечно, он знал, у Элиаса были уши повсюду.

– Бывает, – Люк пожал плечами, пытаясь изобразить безразличие. – Плохие сны.

– Сны, – Элиас повторил слово, словно пробуя его на вкус. – Да, сны могут быть жестоки. Особенно если в них являются те, кого мы... как бы это сказать... не ожидаем увидеть.

Он снова крутанул пуговицу. Серебро мелькнуло в воздухе.

– Я думаю начать с простого, – Элиас продолжал, словно размышляя вслух. – Горячие щипцы. Прикладывать к коже — не держать, нет. Просто касаться... На секунду... Потом убирать...и снова, и снова. Пока она не начнёт говорить.

Связь полыхнула. Серафима уже чувствовала это — не конкретные методы, нет. Она чувствовала намерение, приближение угрозы, как животное чует хищника.

Люк стиснул зубы. Мышцы челюсти напряглись так, что заломило в висках. Он не мог позволить себе реагировать. Не здесь, не перед Элиасом.

– Звучит эффективно, – голос вышел хриплым, но ровным. – Если ведьма что-то знает, она расскажет.

– О, я уверен, она знает, – Элиас улыбнулся. – Пуговица — это не просто улика, Тессаро. Это доказательство того, что кто-то из наших братьев нарушил обет. И я собираюсь узнать, кто именно.

Он наклонился ближе. Их лица разделяло не больше локтя. Люк чувствовал его дыхание — запах кофе и табака.

– Знаешь, что самое забавное? – шепнул Элиас. – Ведьма молчит. Она могла бы спасти себя, назвать имя. Но нет, она упряма.

Почему? Вопрос бился в голове Люка, как птица о прутья клетки. Почему она не сказала? Почему защищает его?

Ответ пришел через связь. Тихий, едва уловимый шёпот в сознании.

«Потому что тогда они убьют тебя.»

Люк моргнул. Это была не мысль — чувство. Уверенность, которая проникла в его разум из её. Она защищала его, ведьма, которую он обвинял в насилии, защищала человека, который ненавидел её.

– Тессаро? – голос Элиаса вернул его к реальности. – Ты точно в порядке?

– Да, – Люк выпрямился на табурете. – Просто думал о том, что ты сказал.

– И?

– И думаю, что ты прав, – он заставил себя встретиться взглядом с Элиасом. – Горячие щипцы — хороший старт. Но если она упряма, попробуй воду. Дроссель... Говорят, это ломает волю быстрее, чем боль.

Слова выходили из горла, как яд. Он описывал методы пыток для женщины, чей страх уже пульсировал в его венах. Каждое слово — удар по собственной душе.

Элиас кивнул, и тень удовлетворения легла на его лицо.

– Вода, – он повторил. – Да, я слышал об этом методе. Привязать к доске, лить воду на лицо. Лёгкие наполняются, тело думает, что тонет...

Он замолчал, глядя на Люка в упор.

– Говорят, это хуже, чем гореть на костре. Потому что смерть не приходит. Просто... бесконечное утопление.

Связь взвыла. Серафима уже не просто боялась — она паниковала. Волна ужаса накрыла Люка с головой, заполняя лёгкие воображаемой водой... Он задохнулся.

– Тессаро!

Рука Элиаса легла ему на плечо. Тяжёлая, как свинец и Люк вздрогнул — непроизвольно, не в силах сдержаться.

– Ты точно...

– Я сказал, да! – Люк рванулся с табурета, сбрасывая его руку. – Я в порядке! Просто... не спал. Голова раскалывается.

Элиас отступил на шаг. На его лице промелькнуло что-то — подозрение? Удовлетворение? Люк не мог разобрать.

– Ладно, – Элиас пожал плечами. – Иди поспи, ночь будет длинной.

Он развернулся, направляясь к выходу из арсенала. На пороге обернулся.

– Ах да. Пуговицу я оставляю себе... На память.

Он подбросил серебро в последний раз, поймал, спрятал в карман плаща. Потом ушёл, и его шаги затихли в коридоре.

Люк стоял у верстака, глядя ему вслед. Руки тряслись, ноги не держали. Он опустился обратно на табурет, сердце колотилось о рёбра, как бешеное. Связь пульсировала в висках — страх Серафимы, её боль, её решимость.

Она защищала его. Ведьма, которая могла спасти себя одним именем, выбирала пытки вместо предательства.

Почему? Ответа не было, только холод в груди и тяжесть в руках, которые всё ещё сжимали рукоять меча. Люк опустил взгляд на лезвие, сталь отражала его лицо — бледное, с тенями под глазами и плотно сжатыми губами.

Он знал, что должен сделать, знал, что ночь принесёт, и знал, что не сможет стоять в стороне, пока Элиас будет пытаться женщину, чьё сердце билось в одном ритме с его собственным.

Оставалось решить — что будет делать он... Люк поднял клинок, продолжил чистку, пальцы двигались сами, механически, пока разум лихорадочно искал выход.

Времени почти не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.